
БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES
ДЖАСТИН КРОНИН
СМОТРИТЕ СЕРИАЛ
ПЕРЕРОЖДЕНИЕ
«ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ ФИНАЛ ТРИЛОГИИ, СТАВШЕЙ САМЫМ ЯРКИМ ДОСТИЖЕНИЕМ АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ».
СТИВЕН КИНГ
ГОРОД ЗЕРКАЛ
ТОМ 1

Хоррор. Черная библиотека

Джастин Кронин

Город зеркал. Том 1

«Эксмо»

2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кронин Д.

Город зеркал. Том 1 / Д. Кронин — «Эксмо», 2016 — (Хоррор. Черная библиотека)

ISBN 978-5-04-101153-6

Вы прошли ПЕРЕРОЖДЕНИЕ. Вы встретили ДВЕНАДЦАТЬ. Войдите же в ГОРОД ЗЕРКАЛ ради окончательной расплаты. Город, в котором выживших ждет второе пришествие невыразимого зла. Двенадцать были уничтожены 20 лет назад, и ужасающий век тьмы, обрушившейся на мир, закончился. Оставшиеся в живых постепенно выходят из убежищ. Они мечтают об обнадеживающем будущем и полны решимости построить общество заново. Но далеко, в мертвом мегаполисе, ждет он: Зиро. Первый. Отец Двенадцати. Мучения, которые разрушили его человеческую жизнь, преследуют его, и ненависть, порожденная его перерождением, горит ярко. Его ярость утихнет только тогда, когда он уничтожит Эми – единственную надежду человечества, Девочку из ниоткуда, которая выросла, чтобы восстать против него. В последний раз столкнутся свет и тьма, и наконец Эми и ее друзья узнают свою судьбу. Первый том финальной книги трилогии «Перерождение».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-101153-6

© Кронин Д., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог 6
Глава пятая 7
Глава шестая 8
Глава седьмая 9
Глава восьмая 10
I. Дочь 11
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Джастин Кронин
Город зеркал. Том 1

Посвящается моей семье

Взбесились человек и Бог —
Кто это выдержать бы смог?
Отнюдь не я, пришелец пленный
В не мною созданной Вселенной.

Альфред Хаусман
«Последние стихи»

Justin Cronin
THE CITY OF MIRRORS

Copyright © 2016 by Justin Cronin

Разработка серийного оформления *Сергея Власова*
Иллюстрация на переплете художника *Михаила Петрова*

© М. Новыш, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

Из Записей Первого Летописца («Книга Двенадцати»)

Представлено на Третьей Всемирной Конференции по периоду Североамериканского Карантина

Центр культурологии и конфликтологии

Университет Нового Южного Уэльса, Индо-Австралийская Республика

16–21 апреля 1003 г. П. З.

[цитата 2]

Глава пятая

1. И случилось так, что Эми и товарищи ее вернулись в Кервилл, в месте, называемом Техас.

2. И узнали они там, что трое из их числа пропали. Были то Тео и Масами, жена его, и Сара, прозванная Сарой Целительницей, жена Холлиса.

3. Ибо место, называемое Розуэлл, где нашли они убежище, осадила великая армия Зараженных, убивая всех. И выжили лишь двое, Холлис Могучий, муж Сары, и Калеб, сын Тео и Масами.

4. Охватила их печаль великая по друзьям, ими утерянным.

5. И стала Эми жить в месте, называемом Кервилл, среди Сестер, женщин Божиих. То же сделал и Калеб, оставшись под присмотром Эми.

6. Тогда же Алиша, прозванная Алиша Клинок, и Питер, Муж Избранный, ополчились вместе с воинами Экспедиционного Отряда, солдатами Техаса, дабы искать Дюжину. Ибо знали они уже, что, убив одного из Двенадцати, уничтожишь и Легион его, и души людей тех освободятся и вернутся ко ГОСПОДУ.

7. Во многие битвы вступали они, много жизней было потеряно. Но не смогли они ни умертвить Дюжину, ни найти места, где пребывали те. Ибо не было в то время на то воли БОЖИЕЙ.

8. Так прошли годы, всего числом пять.

9. В конце же срока того получила Эми знак, и знак тот во сне пришел к ней. В том сне пришел к ней Уолгаст в образе человеческом. И сказал Уолгаст:

10. «Хозяин мой ожидает тебя. Ожидает он тебя во корабле великом, где пребывает уже долгое время. Ибо настало время перемен. Скоро приду к тебе, дабы указать тебе путь».

11. Человеком же тем был Картер, Двенадцатый из Двенадцати, прозванный Картером Опечаленным, муж достойного рода, возлюбленный БОГОМ.

12. И стала Эми ждать возвращения Уолгаста.

Глава шестая

1. Но был в то время и другой город человеческий, в месте, называемом Айова. Называли же тот город Хоумлендом.

2. Пребывали в том городе люди особые, пившие кровь Зараженного, дабы жить и править другими многие поколения. Именовали их Красноглазыми. И главным среди них был Гилдер-Председатель, человек из Прежних Времен.

3. Зараженным же, чью кровь пили они, был Грей, прозванный Источником. Ибо в крови его было семя Зиро, отца Двенадцати. И пребывал Грей в цепях, испытывая страдания великие.

4. Прочие же люди жили в том городе пленниками, прислуживая Красноглазым и исполняя все, что те пожелают. Одной же из пленниц была Сара Целительница, взятая из Розуэлла, но друзья ее не ведали, что жива она.

5. И родилась у Сары дочь, Кейт, но забрали ее у нее. Сказали же Красноглазые Саре, что дочь ее не выжила, наполнив сердце ее горем великим.

6. И случилось так, что ребенка отдали женщине из Красноглазых. А была той женщиной Лайла, жена Уолгаста.

7. Ибо умерла дочь Лайлы во Времена Прежние, и, хоть миновали годы многие, рана эта в уме ее всё кровоточила. И находила она утешение в Кейт, представляя себе, что она – ее дочь утерянная.

8. И случилось так, что некоторые из живших в Хоумленде восстали против своих угнетателей, были то Повстанцы. Сара же присоединилась к ним. Отправили ее в Купол, прислуживать Лайле, где пребывали Красноглазые, дабы узнала она о делах их. Так и узнала она, что дочь ее всё еще жива.

9. В то же самое время Алиша и Питер нашли логово Мартинеса, Десятого из Двенадцати, в месте, называемом Карлсбад, и бились они там с Легионом его. Но не нашли они Мартинеса, который к тому времени сбежал из места того.

10. Ибо Зиро приказал Гилдеру-Председателю построить крепость могучую, где могли бы далее пребывать Двенадцать, питаясь кровью зверей и жителей Хоумленда. Ибо Легионы их пожрали почти всё живое в земле той, обратив ее в пустыню, непригодную ни для человека, ни для Зараженного, ни для любого иного существа живого.

11. По плану же тому Двенадцать приказали Легионам своим оставить их убежища темные, и все они умерли. Назвали то позднее Отвержением.

12. И отправились Двенадцать в путь во много миль, к Хоумленду, дабы пребывать там и стать властителями всей земли.

Глава седьмая

1. Но был среди них один, что ослушался слов Зиро, и был то Картер Опечаленный, Двенадцатый из Двенадцати. И объяснил он Уолгасту, как привести Эми в то место, где пребывает он, дабы вдвоем смогли они восстать против товарищей их.

2. Исполнила Эми наказ тот и покинула Кервилл, направившись в место, называемое Хьюстон. И сопровождал ее Луций Праведный, муж чистый пред БОГОМ, помогая во всём ей.

3. В Хьюстоне же Эми нашла корабль, под названием «Шеврон Маринер», во чреве которого пребывал Картер. Многое случилось меж ними. Когда же покинула Эми корабль, тело ее было уже не телом ребенка, но женщины. И отправилась она вместе с Луцием в Хоумленд, на битву с Двенадцатью.

4. В то же время Питер, Муж Избранный, вместе с Майклом, прозванным Сообразительным, и Холлисом, мужем Сары, тоже отправились в Хоумленд, дабы узнать, что происходит там. Ибо поняли они, что Сара – пленница в месте том, как и многие другие.

5. И были у них двое спутников. Первую звали Лора, по прозванию Штурман, вторым же был преступник, Тифти Гангстер.

6. В то же самое время отправилась к Хоумленду и Алиша, преследуя Мартинеса, Десятого из Двенадцати, которого поклялась она убить своими руками. Ибо был Мартинес самым злобным изо всех демонов, убийцей множества женщин, проклятием земли.

7. Но оказалась Алиша в плену в Хоумленде и испытала многие страдания в руках Красноглазых и пособников их, называли которых Посами. Худшим же из Посов был Сод. Но сильна была Алиша и не поддалась им.

8. И однажды ночью, когда пришел к ней Сод, чтобы снова заняться черным делом своим, сказала Алиша: «Ослабь цепи мои, дабы лучше тебе было получить удовольствие свое». Затем же обвила она цепями шею его и убила, задушив. Так сбежала она, убив на своем пути и многих других пособников.

9. За стенами Хоумленда, в глуши, нашла ее Эми, и узрела Алиша, что Эми стала женщиной, и телом и разумом. И утешила ее Эми, ибо были они сестрами по крови.

10. Но хранила Алиша тайну свою, и тайной той была жажда крови. Ибо семя Двенадцати внутри нее окрепло, превращая ее в Зараженную. Было это большой тяжестью на сердце ее, ибо сильно любила она товарищей своих и не желала расстаться с ними.

11. В то самое время Красноглазые раскрыли Сару и подвергли заточению и насилиям многим. Ибо желал Гилдер-Председатель, дабы все восставшие против него испытали полностью гнев его.

12. Но близок был час расплаты, ибо Эми и Алиша объединились с Повстанцами, дабы восстать против Красноглазых. И придумали они план, как освободить народ Хоумленда, уничтожить Дюжину и спасти Сару.

Глава восьмая

1. И случилось так, что Питер с товарищами своими прибыл в Айову, и вновь собрались вместе все друзья, став силой могучей. И величайшей среди них была Эми.

2. И сдалась она Красноглазым, сказав: «Я тот лидер Восставших, что вы ищете. Делайте со мной, что хотите». Замысел ее был в том, чтобы Гилдер в ярости своей натравил на нее Дюжину, дабы убили они ее.

3. И случилось всё так, как и предвидела Эми. Был назначен час казни ее. И должно было это случиться на Стадионе, огромном амфитеатре, построенном во Времена Прежние, дабы все люди Хоумленда увидели казнь ту.

4. Спрятались в том месте Алиша и остальные, дабы, когда появятся Двенадцать, ударить оружием своим по ним и по Красноглазым тоже.

5. И вывели Эми перед толпой, закованную в цепи, и повесили на шесты металлические. Величайшее наслаждение испытал Гилдер, узрев страдания ее и вынуждая множество других видеть это.

6. Но не дала Эми Гилдеру такой радости. И приказал Гилдер Дюжине пожрать ее, дабы все прислужники его узрели власть его и склонились пред ним.

7. Но увидела Эми, что не одна она здесь. Ибо среди Двенадцати был Уолгаст, занявший место Картера, дабы защитить ее. И сказала Эми Дюжине:

8. «Приветствую, братья мои. Это я, Эми, сестра ваша». И не сказала она более ни слова.

9. Ибо начала она дрожать, и тело ее осветилось светом ярким, пронизавшим тьму. Издав рев яростный, превратилась Эми в одного из них, приняв обличье Зараженного, могучего обликом. И было названо это Отпущением. И видели это Питер, Алиша, Луций и все прочие.

10. И порваны были цепи, и началась битва великая. И была одержана победа величайшая. Много жизней было потеряно, и одним из погибших был Уолгаст, пожертвовавший собой, дабы спасти Эми, ибо любил он ее, как отец дочь родную.

11. И так исчезли с лица Земли Двенадцать, освободив все народы свои.

12. Но не ведали друзья Эми судьбы ее, ибо не нашли нигде ее.

I. Дочь

Есть мир иной, сокрытый в мире нашем.
Поль Элюар

98–101 П. З.

1

Центральная Пенсильвания
Август 98 г. П. З.
Восемь месяцев после освобождения Хоумленда

Земля легко поддавалась клинку в ее руке, распространяя густой запах. Воздух был горячим и влажным, среди листвы пели птицы. Стоя на четвереньках, она раз за разом ударяла клинком в землю, рыхля ее. И выгребала по горсти за раз. Слабость ушла, но не окончательно. Ее тело казалось ей расхлябанным, нескоординированным, измотанным. Боль и память о боли. Три дня прошло или четыре? По лицу катил пот. Облизывая губы, она ощущала его соленый вкус. Она копала и копала. Пот катил с нее ручьями и падал на землю. Этим все всегда и кончается, подумала Алиша. Все отходит земле.

Куча земли рядом становилась все больше. Как глубоко надо копать? Она прокопала почти на метр в глубину, и почва стала другой. Более холодной, пахнущей глиной. Похоже, это знак. Перекатившись назад на подошвы ботинок, она сделала изрядный глоток из фляги. Руки саднило, кожа у основания большого пальца содралась и висела клочком. Алиша поднесла ладонь ко рту, оторвала клочок кожи зубами и выплюнула в грязь.

Солдат ждал ее на краю поляны, шумно пережевывая стебли высокой, по пояс, травы. Могучее и красивое тело, роскошная грива, шкура чалой масти с синим отливом, большие копыта и зубы, огромные глаза, будто два куска черного мрамора. Его окружала аура великолепия. Он мог быть, по своему желанию, совершенно спокоен, а в следующее мгновение совершить нечто потрясающее. Услышав, что она подходит, он поднял голову и посмотрел на нее мудрым взглядом. *Я понял. Мы готовы.* Медленно развернулся, опустив голову, и пошел следом за ней меж деревьев, туда, где она натянула свой тент. На земле, рядом с окровавленным спальным мешком Алиши, лежал небольшой сверток, обернутый в грязное одеяло. Ее дочь прожила меньше часа, но в этот час Алиша стала матерью.

Солдат смотрел, как она идет обратно. Лицо младенца было прикрыто. Алиша откинула ткань. Солдат опустил голову к лицу ребенка, и его ноздри раздулись, вдыхая ее запах. Крохотный носик и глаза, губы бантиком, потрясающе человечные, мягкие рыжие волосы на темени. Но она не дышала. Алиша не могла понять, в состоянии ли она полюбить ее – это дитя, зачатое в боли и ужасе, зачатое от чудовища. От мужчины, который избивал и насиловал ее, оставив в ее душе вечное проклятие. Какой же глупой она была.

Она вернулась на поляну. Солнце было почти над головой, в траве жужжали насекомые в своем собственном ритме. Солдат стал рядом. Алиша опустила в могилу свою дочь. Когда начались схватки, она стала молиться. *Пусть с ней будет все хорошо.* Один час мучений сменялся другим, сливаясь, и она ощутила внутри себя холод смерти. Внутри ее пульсировала боль, будто стальной ветер, который отдавался в каждой клетке ее тела, будто гром. Что-то не так. *Боже, умоляю, защити ее, защити нас.* Но ее молитвы были тщетны.

Тяжелее всего было бросить первую горсть земли. Как такое возможно? Алиша похоронила многих. Некоторых она знала, некоторых – нет. Любила лишь одного, мальчишку Сапога.

Такой веселый, такой живой. Раз – и его нет. Она дала земле просыпаться сквозь пальцы. Крупинки застучали по ткани, будто первые капли дождя по листьям. Капля за каплей ее дочь исчезала. *Прощай*, подумала она, прощай, *моя милая, моя единственная*.

Она вернулась к тенту. Ее душа разлетелась на миллион осколков, будто разбитое вдребезги стекло. Кости казались ей налитыми свинцом. Ей нужна вода, нужна еда, запасы кончились. Но охотиться она была не в состоянии, а дойти до ручья, пять минут под горку, – все равно что пройти много миль. Потребности тела. Имеют ли они хоть какое-то значение теперь? Ничто уже не имеет значения. Она легла на спальник, закрыла глаза и быстро уснула.

Ей приснилась река. Широкая темная река и дрожащий свет луны над ней. По поверхности реки протянулась золотистая дорожка. Алиша не знала, что ждет ее впереди, лишь знала, что ей надо пересечь эту реку. Осторожно шагнула на светящуюся поверхность воды. Ощущение было двойственным. Одна ее половина была восхищена этим чудесным способом передвижения, другая же – совсем нет. Луна коснулась противоположного берега, и она поняла, что ее обманывают. Сверкающая дорога начала исчезать. Она побежала со всех ног, пытаясь добежать до другого берега прежде, чем река поглотит ее. Но расстояние было слишком велико. С каждым шагом горизонт удалялся от нее. Вода плескалась по щиколотку, потом по колено, потом по пояс. У нее уже не было сил преодолеть ее сопротивление. *Иди ко мне, Алиша. Иди ко мне, иди ко мне, иди ко мне.* Она начала тонуть. Река поглощала ее, и она погрузилась во тьму…

Она проснулась. Вокруг все было залито неярким оранжевым светом, день почти миновал. Алиша неподвижно лежала, собираясь с мыслями. К этим кошмарам она уже привыкла, менялись детали, но не само ощущение – тщетность и страх. Однако на этот раз все было несколько иначе. Будто одно из ощущений сна стало реальностью. У нее была мокрая рубашка. Опустив взгляд, Алиша увидела расползающиеся пятна. У нее в груди появилось молоко.

* * *

Решение остаться не было сознательным, у нее просто не хватало силы воли двигаться. Силы возвращались. Понемногу, шаг за шагом, а потом вдруг вернулись, будто долгожданный гость, сразу. Она соорудила шалаш из валежника и лозы, накинув поверх брезент. Лес кишел живностью – белки, кролики, перепелки, голуби, олени. Некоторые были слишком проворны, чтобы она смогла поймать их, но не все. Она ставила ловушки и собирала добычу или охотилась с арбалетом. Один выстрел наповал, а потом обед, сырьем, горячий. Вечером каждого дня, когда заходило солнце, она мылась в ручье. В чистой и очень холодной воде. Во время одного из таких выходов она увидела медведей. Шорох в десятке метров выше по течению, что-то большое и тяжелое в кустах, а потом они появились на краю ручья, мать и пара медвежат. Алиша никогда не видела их во плоти, только в книгах. Они вместе зашли в ручей и принялись рыться мордами в иле. Что-то в их анатомии было неправильным, будто незаконченным, будто их мышцы были недостаточно прочно прикреплены к шкуре под их густой свалявшейся шерстью. Их окружали тучи насекомых, сверкая в последних отсветах солнечных лучей. Похоже, медведи ее не заметили, или если и заметили, то не придали никакого значения ее существованию.

Кончалось лето. Еще вчера деревья были покрыты густой зеленой листвой, дающей тень, а на следующий день – буйство красок. Утром листва под ногами хрустела после заморозка. Потом настала зима, ее холод опустился на землю, давая ощущение чистоты. Землю засыпало снегом. Черные силуэты деревьев, маленькие отпечатки птичьих лап на снегу, белесое небо, лишенное цвета. Все очистилось, оставив лишь самую суть. Какой нынче месяц? Какой день? Время шло, и возникли проблемы с едой. Она едва шевелилась, иногда часами, иногда целыми днями сберегая силы. Уже почти год она ни с единой живой душой словом не обмолвилась. И постепенно осознала, что мыслит уже не словами, а так, будто превратилась в лесного зверя.

Интересно, не так ли с ума сходят? Она начала разговаривать с Солдатом, будто с человеком. *Солдат*, говорила она, *что же у нас будет на ужин? Солдат, не думаешь, что пора дров для костра собрать? Солдат, как думаешь, снег пойдет?*

Как-то ночью она проснулась и поняла, что уже некоторое время слышит гром. Порывами дул влажный весенний ветер, завывая в верхушках деревьев. Алиша прислушивалась к звукам приближающейся грозы с какой-то отстраненностью. И гроза внезапно очутилась прямо над ней. В небе сверкали ветвистые молнии, вспышками высвечивая картины в ее глазах, а за ними следовали оглушительные раскаты грома. Полил дождь, и она впустила Солдата в шалаш. Крупные капли барабанили по брезенту, будто пули. Конь дрожал от ужаса. Алише надо было как-то его успокоить. Если он дернется от страха хоть раз, то разнесет шалаш в куски. *Ты мой хороший мальчик*, тихо сказала она, гладя его по крупу. Свободной рукой закинула на его шею веревку. *Мой хороший, хороший мальчик. Что ты сказал? В дождливую ночь с девчонкой в компании?* Его тело напряглось от страха, превратившись в стену тугих мышц, но когда она мягко надавила ему на спину, чтобы уложить его, он подчинился. За стенами шалаша сверкали молнии и грохотал гром. Солдат опустился на колени с шумным вздохом, а потом лег на бок рядом с ее спальным мешком. Так они и спали вдвоем, пока всю ночь лил дождь, смывая с земли остатки зимы.

Она оставалась в этом месте два года. Уйти было нелегко, лес стал ее утешением. Она жила в его ритме, сделав его своим. Но когда наступило третье лето, у Алиши появилось новое ощущение. Пришло время идти дальше. Закончить то, что она начала.

Остаток лета она провела в приготовлениях. Надо было запастись оружием. Пройдясь пешком по городам вдоль реки, она вернулась назад спустя три дня с тяжелым и звенящим при ходьбе мешком. Основы процесса она знала, поскольку не раз видела, как это делается. Остальное придет методом проб и ошибок. Валун с плоским верхом у ручья послужит наковальней. Она развела огонь у самой воды и прожгла костер до углей. Главное – поддерживать нужную температуру. Решив, что температура подходящая, она достала из мешка первый предмет – полосу стали О1 шириной в пять сантиметров, длиной около метра и толщиной около сантиметра. Потом достала из мешка молот, щипцы и толстые кожаные перчатки. Положила конец полосы в угли и смотрела, как сталь меняет цвет, нагреваясь. А потом принялась за работу.

Ей пришлось еще трижды ходить вдоль реки в поисках нужного. Результаты были так себе, но в конце концов они ее устроили. Рукоять она обмотала жесткой лозой поверх гладкого металла для крепкого хвата. От веса оружия в руке она ощутила удовольствие. Полированное острие сверкало на солнце. Но настоящим испытанием будет что-нибудь разрубить. Последний раз, когда она ходила вдоль реки, то наткнулась на поле с тыквами размером с человеческую голову. Тыквы росли плотными зарослями, переплетаясь стеблями, покрытыми листьями размером в ладонь. Она выбрала одну из тыкв и принесла назад в мешке. Положила на ствол упавшего дерева, прицелилась и с размаху ударила мечом сверху. Половины тыквы медленно разошлись в стороны, будто в изумлении, и упали на землю.

Больше ее здесь ничто не держало. В ночь перед уходом Алиша пришла на могилу дочери. Ей не хотелось делать этого до самой последней секунды, она должна была уйти свободной. За два года могила совершенно заросла. Казалось, это не стоит усилий, но оставить ее просто так тоже было бы неправильно. Из оставшихся у нее полос железа Алиша сделала крест и вбила его в землю молотом. Опустилась на колени на землю. От тела уже, должно быть, ничего не осталось. Может, лишь несколько костей или того, что было костями. Ее дочь превратилась в землю, деревья, камни, небеса и лесных зверей. Ушла в место, о котором никто ничего не знает. Ее голос, так и не зазвучавший, был в голосах птиц, ее рыжие волосы влились в пламенеющую листву осени. Алиша думала обо всём этом, касаясь одной рукой мягкой земли. Но в душе ее более не было молитвы. Сердце, однажды разбившееся, так и осталось разбитым.

– Прости, – сказала она.

Наступило утро, совершенно обычное, безветренное, серое, наполненное туманом. Меч в ножнах из оленьей шкуры был закреплен у нее за спиной под углом, на ее груди были накрест натянуты перевязи с кинжалами. Темные очки, большие, с кожаными щитками у висков, скрывали ее глаза. Закрепив седельную сумку, она закинула ногу на спину Солдата. Уже не один день он беспокойно ходил вокруг нее, чувствуя неизбежность их ухода. *Мы делаем именно то, что я думаю? Я бы здесь предпочел остаться, сама знаешь.* Алиша планировала ехать верхом вдоль реки на восток, в горы. Если повезет, то она доберется до Нью-Йорка раньше листопада.

Она закрыла глаза, освобождая сознание от мыслей. Лишь когда она очистит его, зазвучит голос. И он зазвучал, придя оттуда же, откуда приходили сны, будто ветер из пещеры, шепчущий на ухо.

Алиша, ты не одна. Я знаю о твоей печали, ибо она и моя тоже. Я жду тебя, Лиш. Иди ко мне. Иди домой.

И она коснулась пятками боков Солдата.

2

Еще только близился вечер, когда Питер вернулся домой. Огромное небо Юты над его головой было расцвечено цветными полосами на фоне темнеющей голубизны. Вечер ранней осени, холодные ночи, погожие дни. Он шел в сторону дома мимо тихо журчащих вод реки с шестом на плече. Рядом с ним, хромая, шел пес. В мешке у него лежали две форели, завернутые в пожелтевшие листья.

Он подошел к ферме и услышал музыку, исходящую из дома. Поднялся на крыльцо, снял грязные сапоги, положил мешок и тихо вошел. Эми сидела за старым пианино спиной к двери. Он тихо подошел к ней. Она настолько сосредоточилась, что даже не услышала, как он вошел. Он слушал не шевелясь, едва дыша. Тело Эми слегка покачивалось в такт музыке. Ее пальцы скользили по клавишам, будто не играя, а призывая звуки. Эта мелодия была звуковым воплощением ее чувств. В ней была глубочайшая боль, но выраженная с такой нежностью, что музыка не казалась грустной. Питер подумал, что в этом, наверное, и есть ощущение времени, когда всё уходит в прошлое, оставаясь лишь в воспоминаниях.

– Ты дома.

Музыка умолкла, а он и не заметил. Он положил руки на ее плечи. Она повернулась и запрокинула голову.

– Иди сюда, – сказала она.

Он наклонился, и она поцеловала его. Ослепительно красивая. Каждый раз, глядя на нее, он будто открывал это заново. Питер качнул головой в сторону клавиш.

– Я так и не могу понять, как у тебя это получается, – сказал он.

– Тебе нравится? – улыбаясь, спросила она. – Я каждый день тренируюсь.

– Конечно, – сказал он, – просто чудесно. – Эта музыка заставляла его думать о многом. Так, что трудно передать словами.

– Как на реке? Тебя долго не было.

– Разве?

День, как и многие, прошел в пелене довольства.

– Так красиво в это время года, наверное, просто не уследил.

Он поцеловал ее в макушку. Свежевымытые волосы, пахнущие травами, которые она использовала, чтобы смягчить жесткий запах мыла.

– Играй дальше. А я ужин приготовлю.

Он прошел через кухню и вышел на задний двор. Сад увядал, вскоре он уснет, укрытый снегом, оставив им свой урожай на зиму. Пес куда-то ушел сам по себе. Он мог уйти далеко,

но Питер никогда не беспокоился, зная, что пес всегда вернется домой до темноты. Дойдя до насоса, Питер налил воды в раковину, снял рубашку и ополоснулся до пояса, а потом вытерся. Последние лучи солнца поверх холмов отбросили длинные тени. Это время дня нравилось ему больше всего, ощущение того, как одно сливается с другим и всё будто застывает в ожидании. Стало темнеть, и он смотрел на появляющиеся на небе звезды, одну за другой. Ощущение от этого времени было таким же, как от музыки, которую играла Эми. Слившиеся память и желания, счастье и печаль, начало и конец.

Он развел огонь, почистил улов и положил нежную белую мякоть на сковороду с куском топленого сала. Наружу вышла Эми, села рядом, и они вместе смотрели, как готовится их ужин. Они поели на кухне при свете свеч. Форель, помидоры и запеченная на углях картошка. Съели яблоко одно на двоих. Потом пошли в гостиную, развели огонь в камине и устроились на диване под одеялом, а пес, как обычно, улегся у их ног. Они смотрели на огонь молча, в словах не было нужды. Всё, что им нужно было сказать друг другу, уже было сказано, всё, чем они могли поделиться друг с другом. Прошло некоторое время. Эми встала и протянула руку.

– Пойдем со мной в постель.

Они взяли в руки свечи и поднялись по лестнице. В крохотной спальне под самой крышей дома они разделись и залезли под плед, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться. Пес дошел до изножья кровати, шумно вздохнул и опустился на пол. Хороший старый пес, верный, как лев. Он останется здесь до утра, сторожа их. Близость их тел, общий ритм дыхания. То, что ощущал Питер, нельзя было назвать просто счастьем. Это было нечто более глубокое и сильное. Всю свою жизнь он желал лишь быть рядом с одним человеком в этом мире. Это и есть любовь, решил он. Быть любимым – значит, быть познанным тем, кто рядом.

– Питер? Что это?

Прошло некоторое время. Его сознание пребывало в бесформенном пространстве между сном и явью, погрузившись в воспоминания.

– Я подумал о Тео и Мас. Про ту ночь в хлеву, когда напал Зараженный.

Мысль прошла и ушла от него.

– Мой брат так и не понял, что убило того врага.

Мгновение Эми молчала.

– Ну, это был ты, Питер. Именно ты их спас. Я тебе говорила, помнишь?

Разве? И что она хотела этим сказать? В момент того нападения он находился в Колорадо, за много миль, много дней пути отсюда. Как же он мог сделать это?

– Я объясняла, как это произошло. Ферма – особенное место. Прошлое, настоящее и будущее здесь едины. Ты оказался в хлеву просто потому, что ты там был нужен.

– Но я не помню, чтобы я это делал.

– Потому, что для тебя этого еще не случилось. Придет время, и случится. Ты будешь здесь и спасешь их. Чтобы спасти Калеба.

Калеб. Мой мальчик. Питер внезапно ощутил невыразимую печаль, сильнейшую любовь и томление. Слезы подступили к его горлу. Так много лет. Так много лет прошло.

– Но мы же сейчас здесь, – сказал он. – Ты и я, в этой постели. Это реальность.

– И нет в этом мире ничего более реального, – сказала она, прижимаясь к нему. – Давай не будем думать об этом сейчас. Ты устал, я вижу это.

Он действительно устал, очень. Он ощущал прошедшие годы до мозга костей. Его сознание коснулось воспоминания. Как он глядел на свое лицо в реке. Когда это было? Сегодня? Вчера? Неделю назад, месяц, год? Солнце стояло высоко, и вода превратилась в сверкающее зеркало. Его отражение дрожало от течения воды. Глубокие морщины, обвисшие щеки, мешки под глазами, потускневшими от времени, его волосы, которых осталось немного, седые, белые, будто снег. Лицо старого человека.

– Я был… мертв?

Эми не ответила. И Питер понял, что она хотела ему сказать. Не то, что он умрет, как должен умереть любой, а то, что смерть – не конец. Он останется здесь, останется духом-хранителем, за пределами стен времени. Это ключ ко всему, ключ, открывающий дверь, за которой ответ на все загадки жизни. Он вспомнил тот день, когда впервые пришел на Ферму, очень, очень давно. Всё в целости, совершенно необъяснимо, кладовая полна, занавески на окнах, тарелки на столе, будто в ожидании их прихода. Вот в чем смысл этого места. Это единственный истинный дом для него во всем мире.

Лежа в темноте, он ощутил, как его грудь наполняется умиротворением. Было то, что он потерял, были люди, которые его покинули. Всё уходило. Даже сама земля, небеса, река и звезды, которые он так любит, когда-нибудь достигнут окончания своего существования. Но этого не надо бояться, такова реальность жизни, горькая и сладкая одновременно. Он представил себе момент своей смерти. И образ этот был настолько силен, будто он не представил его себе, а просто вспомнил. Он будет лежать в этой самой постели, это будет летний день, и Эми будет обнимать его. Будет смотреть на него точно так же, как сейчас, сильная, красивая, полная жизни, кровать напротив окна, солнечный свет сквозь занавески. Не будет боли, лишь ощущение, что растворяешься. *Всё хорошо, Питер*, сказала Эми. *Всё хорошо, я скоро вернусь.* Свет будет становиться всё сильнее и сильнее, заполняя ему глаза, заполняя его сознание, и так он оставит этот мир – оставит его, качаясь на волнах света.

– Я так тебя люблю, – сказал он.

– И я тебя люблю.

– Чудесный день был, правда?

Эми кивнула, не отрываясь от него.

– И у нас еще много больше. Целый океан дней.

Он прижал ее к себе. Снаружи царила ночь, холодная и неподвижная.

– Это была прекрасная музыка, – сказал он. – Как здорово, что мы пианино нашли.

И с этими словами, прижавшись друг к другу в огромной мягкой постели под крышей дома, они погрузились в сон.

Как здорово, что мы нашли пианино.

Пианино.

Пианино.

Пианино…

Питер вынырнул из сна и понял, что он лежит нагой, замотавшись в мокрые от пота простыни. Мгновение лежал неподвижно. Разве он не?.. И он не был?..

Во рту был вкус, будто он песка наелся. Мочевой пузырь твердый как камень. Позади глаз начинало болеть, первые признаки похмелья, надолго.

– С днем рождения, лейтенант.

Рядом с ним лежала Лора. Даже не *рядом*, а обвившись вокруг него, их тела переплелись, скользкие от пота там, где они соприкасались. Лачуга, две комнаты и туалет во дворе, та самая, где они уже бывали прежде, правда, непонятно даже, чья она. Небольшое окно в изножье кровати, серый предрассветный свет лета.

– Ты, наверное, меня с кем-то путаешь.

– О, поверь мне, – сказала она, касаясь пальцем середины его груди, – тебя ни с кем не спутаешь. И как тебе, ощущать себя на тридцать?

– Как и в двадцать девять, только голова болит.

Она соблазнительно улыбнулась.

– Ну, надеюсь, тебе понравился подарок. Прости, что открытку забыла.

Она расплела ноги и подвинулась на край кровати, хватая с пола рубашку. Волосы у нее отросли достаточно длинными, чтобы их не закалывать, и лежали поверх широких крепких плеч. Втиснувшись в грязные штаны, она сунула ноги в ботинки и повернулась к нему.

– Извини, что убегаю, амиго, но мне надо заправщиками заниматься. Приготовила бы тебе завтрак, но сильно сомневаюсь, что здесь есть из чего.

Она наклонилась и быстро поцеловала его в губы.

– Передай привет Калебу, окей?

Мальчишка остался на ночь у Холлиса и Сары. Не стал его спрашивать, куда он идет, хотя они наверняка догадались, в чем дело.

– Обязательно.

– Увидимся в следующий раз, как в городе буду?

Питер ничего не ответил, и она посмотрела на него, наклонив голову.

– Или… может, и нет.

Ему нечего было ответить на самом деле. То, что произошло между ними, не было любовью – об этом и речи не заходило, – но было чем-то большим, чем физическим влечением. Нечто среднее, ни то, ни другое, в этом-то и проблема. Когда он был с Лорой, он думал о том, чего у него никогда не было.

Ее лицо погрустнело.

– Ну, черт. А я была чертовски *нежна* с тобой, лейтенант.

– Даже не знаю, что сказать.

Она вздохнула и отвернулась.

– Наверное, это не могло продлиться долго. Я бы предпочла первой тебя бросить.

– Извини. Я не должен был допустить, чтобы всё так далеко зашло.

– Это пройдет, поверь мне.

Она посмотрела в потолок и медленно выдохнула, успокаиваясь, и стерла со щеки слезу.

– На хрен всё, Питер. Видишь, до чего ты меня довел?

Он чувствовал себя ужасно. Он не намеревался делать это, всего минуту назад он думал, что они оба просто будут плыть по течению, будь что будет, пока не потеряют интерес друг к другу или пока не встретят кого-то еще.

– Дело же не в Майкле, так? – спросила Лора. – Потому что я же тебе говорила, всё кончено.

– Не знаю, – ответил он, пожав плечами. Помолчал. – Окей, быть может, отчасти. Если мы продолжим, он узнает.

– Узнает, и что?

– Он мой друг.

Она вытерла слезы и тихо горько усмехнулась.

– Твоя верность восхитительна, но, поверь мне, я последнее, о чем думает Майкл. Он может даже тебя поблагодарить, что ты его от меня избавил.

– Это неправда.

Она пожала плечами.

– Ты говоришь это только из вежливости. Наверное, этим ты мне и нравишься. Но тебе незачем лгать. Мы оба знаем, что делаем. Я всё время твержу себе, что забуду про него, хотя, конечно же, никогда этого не сделаю. Знаешь, что меня больше всего убивает? То, что он даже не может мне правду сказать. Эта проклятая рыжая. Что в ней такого?

На мгновение Питер онемел.

– Ты имеешь в виду… Лиш?

Лора резко глянула на него.

– Питер, не тупи так. Как думаешь, что он там делает на этой своей дурацкой лодке? Три года, как она пропала, а он всё никак ее из головы выкинуть не может. Будь она рядом, может, у меня и был бы шанс. Но соревноваться с призраком не получится.

Питеру снова потребовалось время, чтобы осознать услышанное. Всего минуту назад он готов был сказать, что Алиша Майклу даже не *нравится*, что раньше они ссорились не хуже двух котов, сошедшихся на карнизе. Однако в глубине души Питер понимал, что они не настолько уж и отличаются – внутренняя сила, решимость, упертость, неспособность выслушать чужие доводы, если их что-то обуяло. Да и дело тут давнее явно. Неужели и эта лодка у Майкла только поэтому? Неужели это его способ горевать о ней? Каждый из них перенес это по-своему. Некоторое время Питер злился на нее. Она бросила их, ничего не объяснив, даже не попрощавшись. Но с тех пор многое изменилось. Изменился мир. Теперь он чувствовал по большей части боль одиночества, холодную пустоту в сердце, в том месте, где раньше была Алиша.

– Что же до тебя, – продолжила Лора, вытирая глаза запястьем, – не знаю, кто она, но она очень везучая.

Это отрицать смысла не было.

– Мне действительно очень жаль.

– Как скажешь.

Горько улыбнувшись, Лора хлопнула ладонями по коленям.

– Ладно, меня подмаслили. Чего еще девочке просить? Сделай одолжение, пусть тебе хреново будет, окей? Затягивать не обязательно, неделя-другая сойдет.

– Я уже себя хреново чувствую.

– Хорошо.

Она снова наклонилась и взасос поцеловала его в губы, с привкусом слез. И резко отдернулась.

– На посошок. Увидимся, лейтенант.

Солнце только вставало, когда Питер поднялся по лестнице на гребень плотины. Нынче похмелье надолго, а после дня с молотком на раскаленной крыше явно лучше не станет. Можно было бы еще часок поспать, но после разговора с Лорой ему хотелось хоть как-то прочистить голову прежде, чем он явится на стройку.

Солнце осветило его всего, когда он поднялся наверх, его лучи едва скрывали редкие облачка, которые исчезнут в течение часа. С тех пор как Питер подал в отставку из Экспедиционного Отряда, плотина стала для него чем-то вроде тотема. Перед его роковым отъездом в Хоумленд он привел сюда племянника. Ничего особенного не произошло. Они наслаждались видами, говорили о странствиях Питера в Экспедиционном Отряде и о родителях Калеба, Тео и Мас, а потом спустились к основанию плотины и плавали. Для Калеба это было впервые. Вроде бы простая прогулка, но к концу того дня что-то переменилось. В сердце Питера будто открылась дверь. Тогда он этого не понял, но за этой дверью его ждал новый путь, новый смысл жизни, тот, где он принимал на себя ответственность и становился отцом этому мальчику.

Та жизнь, о которой знали все остальные. Жизнь Питера Джексона, отставного офицера Экспедиционного Отряда, который стал отцом ребенку и плотником, обычным гражданином Кервилла. Обычная жизнь, как у всех, со своими радостями и горестями, взлетами и падениями, день за днем. Он был рад, что живет именно так. Калебу только что стукнуло десять. В отличие от Питера, который в этом возрасте уже служил посыльным в Страже, у мальчика было нормальное детство. Он ходил в школу, играл с друзьями, не напрягаясь, выполнял все свои обязанности, особо не жалуясь. Каждый вечер, когда Питер укладывал его спать, он мгновенно погружался в сны, наполненный убаюкивающим пониманием того, что следующий день станет таким же, как и предыдущий. Он был рослым для своего возраста, как и все Джексоны, и с его

лица уже начала пропадать детская мягкость. Он всё больше походил на своего отца, Тео, хотя они теперь о нем и не разговаривали. Не то чтобы Питер этого избегал, мальчишка просто сам не спрашивал. Как-то вечером, когда Питер и Калеб уже с полгода прожили вместе, они играли в шахматы, и мальчишка, занеся руку над фигурой, чтобы сделать следующий ход, заговорил, легко, так, как мог бы заговорить о погоде:

– Будет нормально, если я стану звать тебя папой?

Питер дернулся. Он совершенно не ждал такого.

– Ты действительно этого хочешь? – спросил он.

Мальчишка кивнул.

– Ага, – сказал он. – Думаю, это будет правильно.

Что же до иной его жизни, Питер и сам точно не мог понять, что это такое, лишь то, что она есть и что всё в ней происходит по ночам. В его снах о Ферме были самые разные события, целые дни, состоящие из них. Одинаковым было лишь ощущение дома, ощущение причастности. Сны были столь яркими, что он всегда просыпался с ощущением, что совершил путешествие в другое место и время, будто его бодрствование и сон были двумя сторонами одной медали, одинаково реальными.

Чем же были эти сны? Откуда они приходили к нему? Являлись ли они творением его ума или, возможно, исходили извне – возможно, даже от самой Эми? Питер никому не рассказывал о той первой ночи, когда они отправились из Айовы, когда Эми пришла к нему. Этому было множество причин, самой главной из которых была та, что он сам не был до конца уверен в том, что это произошло на самом деле. Он крепко спал, на его коленях спала дочь Сары и Холлиса, над ними светилось зимнее небо Айовы, полное звезд, пьянящее, такое, что у него было ощущение, будто он плывет среди них. И тут появилась она. Они не говорили, в этом не было нужды. Достаточно было прикосновения рук. Казалось, это длилось вечно, казалось – всего мгновение, после которого Питер понял, что Эми больше нет.

Неужели и это ему приснилось? Судя по всему, да. Все считали, что Эми погибла на стадионе во время взрыва, уничтожившего Дюжину. От нее ничего не осталось. Но ощущение было настолько живым! Иногда он был четко уверен, что Эми до сих пор жива где-то, но затем его охватывали сомнения. И он решил оставить всё это при себе.

Некоторое время он стоял, глядя, как солнце разливает свой свет по техасским холмам. Внизу, у основания плотины, блестела вода, гладкая, как зеркало. Питеру хотелось искупаться, чтобы избавиться от похмелья, но надо встретить Калеба и отвести его в школу, перед тем как пойти на работу. Плотник из него получился так себе, в жизни он научился лишь одному – быть солдатом, но нынешняя работа позволяла ему вовремя возвращаться домой каждый день, а поскольку Строительное Управление всё так же вело обширные работы, им каждая пара рук нужна была.

Кервилл буквально трещал по швам. Из Айовы переехали полсотни тысяч человек всего за пару лет, так что население выросло более чем вдвое. Разместить их было нелегко, учитывая, что Кервилл строился, исходя из концепции нулевого роста населения. Семьям не разрешалось заводить более двоих детей, за нарушение взималась изрядная пошлина. Можно было завести третьего, если один из первых двух не доживал до взрослого возраста, но лишь в том случае, если ребенок умирал раньше, чем ему исполнилось десять.

С прибытием людей из Айовы вся эта концепция пошла прахом. Не хватало еды, топлива и лекарств, возникли проблемы с санитарией. Слишком много людей в ограниченном пространстве, и каждый притащил с собой все свои болячки. Росло взаимное недовольство. Поспешно возведенный палаточный лагерь принял первые волны переселенцев, но люди всё прибывали, и временное жилье быстро превратилось в постоянное. Многие переселенцы из Айовы, всю жизнь проработав по принуждению, с трудом пытались приспособиться к новой жизни, в которой за них никто не принимал решения – в ход пошла поговорка «ленивый, как

айовец»; другие же шарахнулись в другую крайность – нарушали комендантский час, шлялись по борделям и кабакам Данка, пили, воровали и дрались, будто с цепи сорвались. Единственные, кто был им рад, так это цеховики, которые привыкли торговать из-под полы, продавая на черном рынке всё, от еды и до молотов с обручами.

Люди стали в открытую говорить о возможности жить за пределами стен. Питер понимал, что это всего лишь вопрос времени. Уже три года не видели ни одного Зараженного, ни драка, ни даже нарика, и на Гражданское Управление давили всё сильнее, призывая открыть ворота. События, произошедшие на стадионе, разошлись в народе в виде тысячи легенд, непохожих одна на другую, однако даже самые закоренелые скептики начали свыкаться с мыслью о том, что угроза миновала. Уж кому, как не Питеру, было в этом сомневаться.

Он обернулся и оглядел город. Почти сотня тысяч человек живет. В свое время подобная мысль ошеломила бы его. Он вырос в городке – в замкнутом мирке, – где жило меньше ста человек. У ворот собрались машины, чтобы отвезти рабочих к сельскохозяйственному комплексу, они пыхтели дизелями, пуская клубы дыма в утренний воздух. Отовсюду доносились звуки и запахи пробуждающейся жизни. Город просыпался, потягиваясь. Были и проблемы, но они казались столь ничтожными в сравнении с перспективами. Эра Зараженных окончилась, человечество снова воспряло. Вокруг них простирался целый континент, который предстояло осваивать, и Кервилл должен был стать местом, откуда начнется новая эпоха. Так почему же он кажется ему столь хрупким и убогим? Почему, стоя на гребне плотины этим бодрящим утром, он чувствует внутреннюю дрожь от неуверенности?

Что ж, подумал Питер, да будет так. Если отцовство чему тебя и научило, так это тому, что ты можешь беспокоиться, сколько тебе вздумается, но это ничего не изменит. Собираешь ланч, говоришь: «Веди себя хорошо», а потом весь день занимаешься простой и честной работой, чтобы выжить на этой земле. Пройдет двадцать четыре часа, и всё это начнется заново. *Тридцать*, тихо сказал он сам себе. *Сегодня мне исполнилось тридцать*. Спроси его кто лет десять назад, доживет ли он вообще до таких лет, не говоря уже о том, что будет растить сына, он бы счел этого человека безумцем. Может, действительно только это и важно в жизни. Просто остаться в живых, чтобы рядом был кто-то, кого ты любишь и кто любит тебя, может, этого достаточно.

Он сказал Саре, что не хочет праздновать, но эта женщина, конечно же, всегда что-нибудь придумает. *После всего, что мы пережили, тридцать лет кое-что да значат. Приходи к нам после работы. Пусть нас будет пятеро. Обещаю ничего серьезного не устраивать.* Забрав Калеба из школы, он вернулся домой, вымылся, и вскоре после шести они уже пришли к дому Холлиса и Сары. Переступили порог и оказались на празднике, том самом, которого Питеру не хотелось. Десятки людей, втиснувшиеся в две крохотные душные комнатки. Соседи, товарищи по работе, родители друзей Калеба, те, кто служил с Питером в армии, и даже Сестра Пег в своем строгом сером одеянии, болтающая и смеющаяся точно так же, как все остальные. Встретив его в дверях, Сара обняла его и поздравила с днем рождения, а Холлис сунул ему в руку стакан и хлопнул по спине. Калеб и Кейт неистово хихикали, не сдерживаясь.

– Ты знал обо всём этом? – спросил Питер Калеба. – А ты, Кейт?

– Конечно, знали! – воскликнул мальчишка. – Видел бы ты свое лицо, папа!

– Ну, тогда у тебя большие неприятности, – с напускной отеческой строгостью сказал Питер. И рассмеялся сам.

Еда, выпивка, пирог и даже подарки, то, что люди смогли сделать сами или где-то раздобыть. До смешного – носки, мыло, складной нож, колода карт, огромная соломенная шляпа, которую Питер, конечно же, надел, дав всем еще раз посмеяться. Сара и Холлис подарили карманный компас, память о тех временах, когда они путешествовали вместе. А еще Холлис тайком дал ему маленькую стальную фляжку.

– Последняя продукция Данка, это нечто, – сказал он, подмигивая. – Даже не спрашивай, как я ее достал. У меня до сих пор кое-где друзья остались.

Когда все подарки уже были открыты, Сестра Пег вручила ему большой лист бумаги, скатанный в трубку. *С днем рождения, наш герой*, было написано сверху, а дальше шли подписи, разборчивые и не очень. Ото всех детей приюта. Питер почувствовал комок в горле и обнял пожилую женщину, отчего оба они удивились.

– Спасибо вам всем, – сказал Питер. – Всем и каждому.

Празднование закончилось около полуночи. Калеб и Кейт уже уснули на кровати Сары и Холлиса, свернувшись, будто щенки. Питер и Сара сидели за столом, Холлис взялся за уборку.

– Ничего не слышно о Майкле? – спросил ее Питер.

– Ни звука.

– Ты беспокоишься?

Сара резко нахмурилась, но потом пожала плечами.

– Майкл это Майкл. Я так и не поняла, что у него за заморочка с той лодкой, но он всегда делает то, что хочет. Я думала, быть может, Лора поможет ему остепениться, но, похоже, у них всё кончено.

Питер ощутил укол вины. Двенадцать часов назад он был в постели с этой женщиной.

– Как дела в госпитале? – спросил он, пытаясь сменить тему.

– Дурдом. Они поставили меня принимать роды. Куча новорожденных. А помогает мне Дженни.

Сара имела в виду сестру Гуннара Апгара, ту, которую они нашли в Хоумленде. Дженни была беременна и, вернувшись в Кервилл с первой партией эвакуируемых, почти сразу родила. Год назад вышла замуж за переселенца из Айовы, но Питер не был в курсе, является ли тот отцом ребенку. В последние времена на это меньше обращали внимание.

– Ей жаль, что она не смогла прийти, – продолжала Сара. – Ты для нее типа много значишь.

– Я?

– На самом деле, для многих. Даже сказать тебе не могу, сколько раз люди спрашивали меня, знакома ли я с тобой.

– Шутишь.

– Прости, но ты разве не читал эту открытку?

Питер смущенно пожал плечами, хотя отчасти был рад.

– Я же просто плотник. И не слишком хороший, если по правде.

– Как знаешь, – ответила Сара и рассмеялась.

Уже давно наступил комендантский час, но Питер хорошо знал, как избежать патрулей. Калеб едва открыл глаза, когда Питер взвалил его себе на плечи и пошел домой. Едва он успел уложить мальчика в постель, как раздался стук в дверь.

– Питер Джексон?

В дверях стоял военный с погонами Экспедиционного Отряда на плечах.

– Уже поздно. Мой мальчишка спит. Чем могу быть полезен, капитан?

Офицер протянул Питеру запечатанный бумажный пакет.

– Доброй ночи, мистер Джексон.

Питер тихо закрыл дверь, разрезал восковую печать только что подаренным складным ножом и открыл пакет.

Мистер Джексон.

Не будете ли вы любезны прийти ко мне в офис в среду к 8.00? Все вопросы с вашим начальством уже улажены, вы сможете явиться на работу позже.

С уважением,

Виктория Санчес,

Президент Техасской Республики

– Папа, зачем этот солдат заходил?

Калеб вошел в комнату, протирая глаза кулаками. Питер снова перечел письмо. Что же Санчес от него надо?

– Ничего особенного.

– Ты снова в армии будешь?

Питер посмотрел на мальчика. Десять лет. Как быстро он вырос.

– Конечно же нет, – ответил он и отложил письмо. – Давай-ка назад спать ложись.

3

КРАСНАЯ ЗОНА
Десять миль западнее Кервилла, штат Техас
Июль 101 г. П. З.

Луций Грир, Муж Праведный, занял позицию на смотровой площадке за час до рассвета. Его оружие, винтовка калибра.308 с поворотным затвором, со всей тщательностью отремонтированная, с полированным деревянным прикладом и оптическим прицелом с потускневшими от времени линзами, была вполне годной. У него осталось всего четыре патрона. Скоро придется возвращаться в Кервилл, чтобы купить еще. Но этим утром, утром пятьдесят восьмого дня, его это не заботило. Ему потребуется всего один выстрел.

За ночь луг укрыла мягкая пелена тумана. Ловушка, ведро с давлеными яблоками, стояла в сотне метров по ветру в высокой траве. Сидя совершенно неподвижно, подобрав ноги и положив винтовку на колени, Луций ждал. Он не сомневался, что зверь придет; не устоит перед запахом спелых яблок.

Чтобы скоротать время, он произнес краткую молитву. *Бог мой, Господь Вселенной, будь мне пастырем и утешением, дай мне силу и мудрость исполнить волю Твою во дни грядущие, дай понять, что от меня требуется, дабы был я достоин того, что возложил Ты на меня. Аминь.*

Потому что нечто надвигалось. Луций чувствовал это. Чувствовал столь же отчетливо, как удары своего сердца, как движение воздуха в легких, как твердость собственных костей. Изогнутая кривая человеческой истории приближалась к часу последнего испытания. Никто не ведает, когда наступит этот час, но он обязательно придет, и это будет время воинов. Время таких, как Луций Грир.

Минуло три года с освобождения Хоумленда. События той ночи стояли перед его мысленным взором так, будто случились вчера, яркими, неизгладимыми воспоминаниями. Хаос на стадионе, появление Зараженных, повстанцы, открывшие огонь по Красноглазым, появившиеся в центре событий Алиша и Питер, стреляющие снова и снова. Эми в цепях, убогая фигурка, рев, изошедший из ее горла, когда она выпустила на свободу свою силу, ее тело, превращающееся, лишающееся человеческого облика, лопнувшие цепи, великолепный прыжок, быстрый, как молния, ее натиск на врага. Хаос и беспорядок боя, Эми, попавшая в ловушку, прижатая Мартинесом, Десятым из Двенадцати, яркая вспышка взрыва и полная тишина, мир, застывший в неподвижности.

К тому времени, когда Луций вернулся в Кервилл, следующей весной, он уже окончательно понял, что не сможет жить среди людей. Смысл происшедшего той ночью был совершенно ясен. Он призван влачить уединенное существование. Он сам построил свою скромную хижину у реки, но лишь для того, чтобы ощутить тягу к чему-то большему, тому, что заставило его отправиться в глушь. *Луций, стань наг. Отринь все вещи свои, отринь все блага мирские, дабы познать меня*. Не взяв ничего, кроме клинка и смены одежды в заплечном мешке, он

шел среди холмов, не ведая направления, лишь стремясь уйти как можно дальше от людей, достичь полнейшего одиночества, в котором его жизнь обретет свой истинный смысл. Днями не ел, изодрал в кровь ноги, язык распух от жажды. Шли недели, и товарищами ему были лишь гремучие змеи, кактусы и палящее солнце. У него начались видения. Роща гигантских кактусов превращалась в его глазах в ряды солдат, стоящих по стойке «смирно», он видел озера воды там, где их не было, а линия гор вдали казалась ему стенами города. Он воспринимал эти видения некритически, не осознавая их нереальности. Они были реальными потому, что он в них верил. В его сознании слились прошлое и настоящее. Временами он осознавал себя Луцием Гриром, майором Экспедиционного Отряда, временами – заключенным в военной тюрьме. Иногда – молодым новобранцем, иногда – вообще мальчишкой.

Неделями скитался он в таком состоянии, будто существуя сразу во множестве миров. Но однажды очнулся и понял, что лежит в овраге, под лучами палящего полуденного солнца. Его тело было истерзано, покрыто царапинами и ссадинами, пальцы были в крови, а некоторые ногти исчезли, будто их вырвали. Что произошло? Он сам это с собой сделал? Ничего такого он вспомнить не мог, лишь внезапное, ошеломляющее осознание образа, который явился ему ночью.

У Луция случилось видение.

Он не осознавал, где он, лишь то, что ему надо идти на север. Шесть часов спустя он оказался на Кервиллской Дороге. Обезумев от жажды и голода, он шел дальше до самой ночи и тут увидел знак с большим красным крестом. Убежище, в котором было полно еды, воды, одежды, бензина, оружия и боеприпасов. Был даже генератор. Но более всего порадовал его взгляд «Хамви». Промыв и очистив раны, он провел большую часть ночи на мягкой постели. Утром заправил машину, зарядил аккумулятор и накачал колеса, а затем поехал на восток. До Кервилла он добрался утром второго дня.

На краю Оранжевой Зоны он вылез из машины и пошел к городу пешком. В Эйчтауне, в одном из множества его тайных мест, оказавшись среди людей, которых он не знал в лицо и которые не называли своих имен, он продал три карабина, которые взял в убежище, чтобы купить коня и припасы. К тому времени, когда он добрался до своей хижины, снова наступила ночь. Хижина скромно примостилась среди тополей и болотных дубов на берегу реки, единственная комната с полом из утрамбованной земли, однако ее вид наполнил его сердце теплом и радостью возвращения. Как долго его не было? Казалось, прошли годы, десятилетия и в то же время всего считаные месяцы. Время замкнуло свой круг; Луций был дома.

Расседлав лошадь, он привязал ее у входа и вошел в хижину. На его постели было гнездо из веточек и пуха, кто-то здесь жил в его отсутствие, но в остальном внутри ничего не изменилось. Луций зажег светильник и сел за стол. У его ног лежал вещмешок с припасами. «Ремингтон», коробка патронов, чистые носки, мыло, опасная бритва, спички, зеркальце, полдюжины перьевых ручек, три флакона чернил из ежевики и листы толстой волокнистой бумаги. Дойдя до реки, он набрал воды для умывальника и вернулся в дом. Увиденное им в зеркале было шокирующим, но и вполне ожидаемым. Ввалившиеся щеки, запавшие глаза, обожженная солнцем кожа, спутанные, как у безумца, волосы. Нижнюю половину лица скрывала борода, в которой с легкостью угнездился бы выводок мышей. Ему всего пятьдесят два, но человеку в зеркале можно было с легкостью дать не меньше шестидесяти пяти.

Что ж, сказал он себе, если он снова собирается стать солдатом, пусть и старым, разбитым жизнью, то нужно хоть отчасти соответствовать. Срезав большую часть волос и бороды ножом, Луций взялся за мыло и опасную бритву и побрился начисто. Выплеснул мыльную воду за дверь и вернулся к столу, на котором разложил бумагу и ручки.

И закрыл глаза. Мысленная картина, пришедшая к нему той ночью в овраге, не была похожа на галлюцинации, которые преследовали его в его скитаниях по пустыне. Она была больше похожа на память о пережитом. Сосредоточившись на деталях, Луций попытался мыс-

ленным взором окинуть картину полностью. Как он вообще мог надеяться изобразить нечто столь величественное своей неумелой рукой? Но надо попытаться.

И Луций начал рисовать.

Шорох в кустах. Луций прижал к глазу окуляр прицела. Четверо, копающиеся в земле, похрюкивая и принюхиваясь. Три свиньи и секач, красно-коричневый, с бритвенно-острыми клыками. Полторы сотни фунтов мяса, если получится.

Он выстрелил.

Свиньи разбежались, а кабан, шатаясь, двинулся вперед. Задрожал всем телом, и у него подогнулись передние ноги. Луций следил за ним в прицел. Снова судорога, еще сильнее, и животное свалилось на бок.

Луций спешно сбежал по лестнице и подошел туда, где лежало в траве животное. Перекатил кабана на кусок брезента, дотащил до деревьев, связал задние ноги, подцепил крюком и начал подымать его. Когда голова кабана оказалась на уровне груди Луция, он завязал веревку, поставил под кабаном таз, достал нож и перерезал животному горло.

Кровь хлынула в таз потоком. В кабане ее не меньше галлона. Когда вся кровь стекла, Луций перелил ее в пластиковую бутыль. Будь у него побольше времени, он бы выпотрошил кабана, разделал, закоптил бы мясо и на что-нибудь поменял. Но сегодня был пятьдесят восьмой день, и Луцию уже надо было отправляться.

Он спустил тело кабана на землю. По крайней мере, койотам какая-то польза будет. И вернулся в хижину. Признаться, такое впечатление, что здесь живет безумец, подумал он. Прошло чуть больше двух лет с тех пор, как он впервые прикоснулся пером к бумаге, и теперь стены были покрыты плодами трудов его. Он рисовал сначала чернилами, потом стал пробовать рисовать углем, карандашом и даже красками, что обошлось ему недешево. Некоторые картины были лучше других – глядя на них в хронологическом порядке, можно было оценить медленный, иногда мучительно медленный, путь самообучения его как художника. Но даже лучшие из картин напоминали отпечатавшийся в мозгу Луция образ лишь настолько, насколько ноты могут дать представление о музыке.

Единственным, кто видел эти картины, был Майкл. Луций держался особняком ото всех, но Майкл смог выследить его через знакомого из цеховиков, приятеля Лоры. Как-то вечером, год назад, Луций вернулся, расставив ловушки, и увидел стоящий у него во дворе старый пикап. Задний борт кузова был откинут, и в нем сидел Майкл. За те годы, что Грир знал его, он превратился из застенчивого мальчишки в мужчину в расцвете сил – крепкого, подтянутого, с жесткими чертами лица и суровым взглядом. Из тех, на кого можно положиться в драке в баре, начинающейся с удара в нос и заканчивающейся бегством со всех ног.

– Убей Бог, Грир, ты похож на говно на палочке. Что мне сделать, чтобы заслужить капельку твоего гостеприимства?

Луций достал бутылку. Поначалу было непонятно, чего именно хочет Майкл. На взгляд Луция, он изменился, стал каким-то потерянным, каким-то ушедшим в себя. Вот чего Майкл никогда не умел, так это молчать. Идеи, теории, разнообразные великие планы, пусть сырые, косые и кривые, всегда сыпались из него градом. Это в нем осталось, его мозг кипел, и казалось, о его голову можно руки греть, но всё приобрело несколько мрачный оттенок, ощущение чего-то тщательно сдерживаемого, будто Майкл постоянно думал о том, для чего у него не находилось слов.

Луций слышал, что Майкл ушел с нефтеперегонного завода, расстался с Лорой, построил какую-то лодку и большую часть времени проводит на ней, выходя в Залив в одиночку. О том, что он там ищет в открытом море, Майкл ни словом не обмолвился, а Луций не стал настаивать. Как бы он, к примеру, сам объяснил свою отшельническую жизнь? Но в тот вечер, что они провели вместе, они сидели, говорили и пили, становясь всё пьянее с бутылки «Данковской

Особой № 3». Луций давненько не пил, да и бухло пилось примерно как растворитель, но он постепенно понял, что у Майкла *не было* реальной причины оказаться у него на пороге, помимо естественного для любого человека желания быть с кем-нибудь рядом. В конце концов, оба они всё время проводили в глуши, и, возможно, если отбросить всю чушь, которую он нес, Майкл просто хотел несколько часов побыть в компании того, кто понимает, через что он прошел, – понять глубочайшее желание оказаться в одиночестве именно тогда, когда все остальные пляшут от радости, заводят детей и празднуют сам факт того, что в этом мире смерть уже не кинется на тебя с дерева и не утащит к чертям собачьим.

Некоторое время они обменивались новостями насчет остальных. О работе Сары в больнице, как она и Холлис наконец-то покинули лагерь беженцев и обрели постоянный дом. О том, что Лору назначили главной на нефтеперегонном заводе. Как Питер подал в отставку из Экспедиционного Отряда, чтобы быть дома с Калебом. Решение Юстаса, никого не удивившее, тоже подать в отставку из Экспедиционного Отряда и вернуться в Айову с Ниной. На поверхности все эти разговоры выглядели радостными, но они не углублялись в детали. Луция было не обмануть, он хорошо понимал недосказанное и угадывал неназванные имена.

Луций никому не рассказывал про Эми, правду знал только он. Что же до судьбы Алиши, Луцию и сказать было нечего. Как, очевидно, и любому другому. Женщина просто растворилась на огромных просторах Айовы. Какое-то время Луция это не беспокоило. Алиша всегда была похожа на комету, надолго исчезая и неожиданно появляясь в сиянии. Но шли дни, а о ней всё ничего не было слышно, а Майкл всё лежал на койке с загипсованной ногой, и Луций подметил, что ее исчезновение зажгло огонь в глазах его друга, будто длинный запальный шнур, ведущий к бомбе. *Ты не понимаешь*, говорил он Луцию, едва не взлетая над койкой от раздражения. *Это не «еще один раз»*. Луций не брал за труд возражать ему. Этой женщине никто не нужен, абсолютно. Не стал он и мешать Майклу, когда через двенадцать часов после того, как сняли гипс, тот вскочил в седло и поехал искать ее в снежную бурю – не слишком логичное решение, учитывая, сколько уже времени прошло и что он едва мог ходить. Но Майкл есть Майкл, ему нельзя было сказать «нет», да и было во всём этом нечто глубоко личное, будто исчезновение Алиши было посланием для Майкла, и только для него. Майкл вернулся пять дней спустя, промерзший до костей, проехав по округе сто миль, и ничего не сказал, ни тогда, ни после. С тех пор он даже не произносил ее имени.

Все они ее любили, но Луций знал, что есть люди, чье сердце никому не понять, те, кто с рождения отделен ото всех остальных. Алиша ушла в небытие, в эфир, и после трех прошедших лет Луций уже не думал о том, что с ней стало, а лишь о том, была ли она вообще в их жизни на самом деле.

Было далеко за полночь, они уже в последний раз наполнили и осушили стаканы, и тут Майкл наконец завел речь о том, что, похоже, мучило его всю эту ночь:

– Ты действительно думаешь, что они исчезли? В смысле драки.

– А почему ты спрашиваешь?

– Ну, так как? – спросил Майкл, приподняв брови.

Луций постарался тщательно подобрать слова для ответа.

– Ты там был… ты видел, что случилось. Убьешь Двенадцать, значит, убьешь всех остальных. Если я не ошибаюсь, ты сам так говорил. Уже поздно менять свое мнение.

Майкл отвел взгляд, ничего не сказав. Удовлетворил ли его такой ответ?

– Хорошо бы ты как-нибудь со мной в море вышел, – наконец сказал он, и его лицо слегка просветлело. – Тебе понравится, точно. Там целый мир, огромный. Ты такого никогда не видел.

Луций улыбнулся. Что бы ни снедало этого человека, он явно не готов говорить об этом.

– Подумаю над этим.

– Считай, что мое предложение всегда в силе.

Майкл встал, схватившись рукой за край стола, чтобы не шататься.

– Ну, если честно, я хорошо нажрался. Если не возражаешь, пойду проблююсь и лягу спать в моей машине.

Луций махнул рукой в сторону узенькой койки.

– Если хочешь, здесь ложись.

– Очень любезно с твоей стороны. Быть может, когда буду побольше в тебе уверен.

Майкл пошел к двери, спотыкаясь, а потом обернулся и обвел мутным взглядом крохотную комнату.

– Ты прям художник, майор. Интересные картины. Может, когда-нибудь мне про них расскажешь.

И на этом всё кончилось. Когда утром Луций проснулся, Майкла уже не было. Луций ожидал, что Майкл снова посетит его, но этого не случилось. Видимо, Майкл получил то, что хотел, или решил, что не получит этого от Луция. *Ты действительно думаешь, что они исчезли?..* А что бы сказал его друг, если бы Луций ответил на этот вопрос?

Луций отринул эти беспокоящие мысли. Поставив бутыль со свиной кровью в тени хижины, он спустился к реке. Вода Гваделупе была прохладной везде, но тут она была еще холоднее, в излучине реки был глубокий, метров шесть, омут с ключом на дне. Его окаймлял высокий берег, сложенный из белого известняка. Луций снял ботинки и штаны, ухватился за веревку, которую уже давно закрепил здесь, сделал глубокий вдох и прыгнул, гладко входя в воду. Чем глубже он погружался, тем холоднее становилась вода. Вещмешок из плотного брезента лежал под каменным карнизом, отгороженный им от течения реки. Луций привязал веревку к лямке, перекинул вещмешок поверх карниза и поплыл вверх, медленно выдыхая.

Он выбрался на противоположном берегу, пошел ниже по течению до мелководья и снова пересек реку. Вернулся на известковые скалы по тропинке, сел на краю, взялся за веревку и вытащил из воды вещмешок.

Одевшись, он отнес вещмешок в хижину. Сел за стол и достал содержимое мешка, восемь бутылей, в дополнение к той, которую он набрал сегодня. Всего девять галлонов. Количество крови примерно как у полудюжины взрослых людей.

Теперь, когда он достал кровь из своего холодильника, устроенного в глубине реки, она быстро испортится. Луций связал между собой бутыли и начал собираться в путь. Вода и еда на три дня, винтовка, патроны, нож, лампа, моток крепкой веревки. Он вынес всё это на двор. Еще семи нет, а солнце уже жарит. Оседлав коня, Луций сунул винтовку в седельное крепление, а всё остальное навьючил на лошадь позади седла. Спальник он брать не стал, ему придется ехать день и ночь, чтобы прибыть в Хьюстон утром шестидесятого дня.

Ударив пятками в бока лошади, он отправился в путь.

4

Мексиканский залив
Двадцать две морские мили южнее острова Галвестон

4.30. Майкл Фишер проснулся оттого, что на его лицо падали капли дождя.

Он подвинулся, садясь и опираясь спиной о транец. Звезд видно не было, на востоке узкая полоска неба между поверхностью воды и низкими облаками начинала светлеть. Стоял мертвый штиль, но это ненадолго. Майкл научился буквально чуять грядущий шторм.

Развязав веревку на шортах, он выгнулся вперед над кормой, и с чувством глубокого удовлетворения выпустил в воды Залива изрядную струю мочи. Голода он не ощущал, поскольку давно научил себя игнорировать подобные потребности, но все-таки спустился в рубку и развел себе в воде протеиновую смесь, которую тут же и выпил в шесть глотков. Если он не оши-

бается, а ошибался он редко, утро нынче выдастся увлекательным, и лучше встретить эти развлечения на сытый желудок.

Он как раз вернулся на палубу, когда на горизонте сверкнула первая молния. Спустя пятнадцать секунд донесся гром, долгий, раскатистый и сочный, будто некий сварливый бог недовольно прокашлялся. Подымался ветер, постепенно переходя в шквал. Майкл отсоединил пластину автопилота и сжал рукой румпель. В следующее мгновение хлынул дождь – теплый и хлесткий тропический ливень, промочивший его насквозь в считаные секунды. Майкл никогда особо не раздумывал насчет погоды. Она такая, какая есть, и если нынешний шторм наконец-то отправит его на дно, что ж, нельзя сказать, что он будет сильно возражать.

Правда? Один? На этой штуке? Ты спятил?

Иногда эти вопросы задавали из лучших побуждений, с искренней тревогой. Его пытались отговаривать даже совершенно незнакомые люди. Но чаще всего собеседник уже заранее списывал его со счетов. Если этого безумца не убьет море, то убьет барьер – плавучее заграждение из взрывчатки, которое, как говорили, опоясывает весь континент. Кто в своем уме станет так искушать судьбу? Особенно теперь, когда уже давно, наверное тридцать шесть месяцев, не видели ни одного Зараженного. Неужели, если тебе на месте не сидится, тебе мало целого континента?

И то правда, но не всегда в основе выбора лежит логика. Часто решаешь нутром. А нутро подсказывало Майклу, что барьера не существует и никогда не существовало. Майкл просто показал средний палец всей истории, всем людям, сотню лет повторявшим: «Только не я, мне с тобой не по пути». Может, это сродни «русской рулетке». Учитывая историю его семьи, есть и такой вариант.

Он не слишком любил вспоминать о самоубийстве своих родителей, но иногда это случалось. Где-то в глубине его мозга, будто фильм, остались события того утра. Фильм, вечно прокручивающийся по кругу. Серые пустые лица, веревки, стянувшиеся вокруг их шей. Тихое поскрипывание этих веревок. Вытянувшиеся тела, обмякшие. Потемневшие от схлынувшей вниз крови пальцы ног. Первой реакцией Майкла было полнейшее непонимание. Он смотрел на тела секунд тридцать, не меньше, пытаясь осознать то, что видит, сложить воедино отдельные слова, вертящиеся у него в голове. *Папа, мама, висят, веревка, сарай, мертвые*. А затем сознание одиннадцатилетнего мальчишки захлестнул ужас. Он ринулся вперед, хватая их за ноги, пытаясь приподнять, выкрикивая имя Сары, зовя ее на помощь. Его усилия были тщетны, они были мертвы уже не один час. Но он был обязан попытаться. *Большую часть жизни я пытаюсь исправить то, что уже не исправишь*, вдруг понял Майкл.

Итак, море и его скитания в нем, в одиночестве. Для него оно стало в своем роде домом. А его яхта – «Наутилусом». Майкл взял это название из книги, которую прочел много лет назад, когда еще был Младшим в Убежище. «Двадцать тысяч лье под водой», старая книга в мягкой обложке с пожелтевшими вываливающимися страницами. На обложке – изображение странного аппарата, будто бронированного, помесь между кораблем и танком, который опутывали щупальца морского чудища с одним огромным глазом. Со временем подробности повествования забылись, но этот образ запечатлелся в его мозгу, будто отпечатавшись на сетчатке глаз. Когда пришло время дать имя собственной яхте, после двух лет тщательного расчета и работы, по наитию, имя «Наутилус» показалось ему самым подходящим. Будто все эти годы он хранил его в своем сознании, чувствуя, что оно пригодится.

Одиннадцать метров от носа до кормы, осадка метр восемьдесят, один главный парус, один носовой, от мачты к бушприту, небольшая каюта. Правда, спал он чаще всего на палубе. Он нашел ее на шлюпочной площадке рядом с проливом Сан-Луис, в эллинге, стоящую на опорах. Корпус из полиэфирного пластика, крепкий, но всё остальное в ужасном состоянии. Палуба сгнила, паруса рассыпались, все металлические детали проржавели. Другими словами, это было идеальное поле деятельности для Майкла Фишера, главного инженера по Свету и

Энергии, нефтяника первого класса. Меньше чем через месяц он ушел с нефтеперегонного завода, получив деньги за пять лет неиспользованных отпусков. На них он купил инструмент и материалы, а еще нанял людей, чтобы они помогали ему в Сан-Луисе. *Правда? Один? На этой штуке?* Правда, ответил Майкл, разворачивая перед ними свой чертеж. Правда.

И правда, как смешно после всех этих лет, когда люди пытались раздуть угольки костра былой цивилизации, используя оставшиеся от нее машины, его вдруг охватила любовь к этому самому древнему способу передвижения по морю. Дует ветер, обтекает парус, с одной стороны давление выше, с другой – ниже, возникает сила, которая толкает лодку. С каждым разом он уходил всё дальше от берега, всё дольше, всё безумнее, *туда.* Поначалу ходил вдоль берега, привыкая. На север и восток, вдоль залитых нефтью берегов Нового Орлеана с его мертвящим запахом разложения и химикатов. На юг, к Падре-Айленд, с его длинными пляжами белого, как тальк, песка. Он становился увереннее и заходил всё дальше. Время от времени он натыкался на остатки былой человеческой жизни – груды ржавого хлама на берегу, атоллы, образовавшиеся из плавающего пластикового мусора, ржавые громады нефтяных платформ, окруженные островами из густого нефтяного отстоя. Но вскоре он оставил позади и это, уходил всё дальше, в безбрежные просторы океана. Вода здесь была темнее, а глубина не поддавалась осознанию. Он ориентировался по солнцу с помощью секстанта и прокладывал курс огрызком карандаша на бумаге. И как-то раз вдруг понял, что у него под килем добрая миля воды.

В то утро, когда начался шторм, Майкл Фишер был в море уже сорок два дня. Он планировал во второй половине дня добраться до Фрипорта, пополнить припасы, отдохнуть с недельку – ему надо было немного отъесться, реально – и снова выйти в море. Конечно, там он встретит Лору, это всегда создавало неловкую ситуацию. Станет ли она вообще с ним говорить? Или просто гневно посмотрит издалека? Или схватит его за ремень и оттащит в казарму, чтобы час заниматься с ним сексом, неистово, а он не сможет отказаться, хотя и стоило бы? Майкл не знал, что случится и от чего ему будет хуже. Либо он паршивец, который разбил ей сердце, либо он лицемер в постели с ней. Он просто не мог найти нужные слова, чтобы объяснить ей, что она тут вообще ни при чем. Дело даже не в «Наутилусе», не в том, что ему надо быть одному, и не в том, что она заслуживает его хорошего отношения во всех смыслах. Просто он не мог разделить с ней любовь.

Как обычно, эти мысли навели его на воспоминания о том, когда он в последний раз видел Алишу. В последний раз, когда ее вообще кто-либо видел, насколько ему известно. Почему она его выбрала? Она пришла к нему в госпиталь тем самым утром, когда Сара и остальные отправились из Хоумленда в Кервилл. Майкл не помнил, во сколько это было, он просто спал и проснулся, увидев, что она сидит рядом с ним на кровати. У нее было это… *лицо.* Он понял, что она сидит тут уже некоторое время, глядя на него, спящего.

– Лиш?

Она улыбнулась:

– Привет, Майкл.

И секунд тридцать молчания. Никаких «Как себя чувствуешь?» или «Смешно выглядишь в этом гипсе, Штепсель», тысячи других мелких подколок, которыми они обменивались с тех пор, как были маленькими детьми.

– Не можешь кое-что для меня сделать? Одолжение.

– Окей.

Фраза оборвалась. Алиша отвернулась, а потом снова посмотрела на него.

– Мы же очень долго были друзьями, так?

Еще бы, ответил он. Уж точно.

– Сам понимаешь, ты всегда был чертовски умен. Ты помнишь… ну, когда это было? Я не помню, мы же еще просто детьми были. Вроде там Питер был и Сара тоже. Как-то ночью вылезли на Стену, и ты речь произнес, самую настоящую речь, Богом клянусь, о том, как рабо-

тает всё это освещение, про все эти ветряные турбины и батареи, и всё такое. Прикинь, до того момента я реально думала, что они сами по себе работают. Серьезно. Боже. Я себя тогда такой тупой почувствовала.

Он смущенно пожал плечами:

– Я типа выделывался, наверное.

– Ладно тебе извиняться. Вот тогда я и подумала: в этом парне что-то есть, реально. Когда-нибудь, когда он нам очень понадобится, он нас всех спасет, придурков.

Майкл даже не знал что ответить. Еще никогда в жизни он не видел перед собой человека, столь потерянного, столь раздавленного жизнью.

– Так что ты хочешь у меня попросить, Лиш?

– Попросить у тебя?

– Ты сказала, что тебе нужно одолжение.

Она нахмурилась так, будто вопрос выглядел для нее бессмысленным.

– Вроде да, разве нет?

– Лиш, с тобой всё в порядке?

Она встала со стула. Майкл уже хотел было сказать что-то еще, сам не зная что, и тут она вдруг наклонилась, смахнула в стороны волосы и, к полнейшему его изумлению, поцеловала его в лоб.

– Береги себя, Майкл. Сделаешь это ради меня? Ты им еще понадобишься.

– Зачем? А ты куда-то уходишь?

– Просто пообещай мне.

Вот тогда оно и случилось. Именно тогда он и подвел ее. Спустя три года, снова и снова заново переживая ту ситуацию, он будто не мог избавиться от приступа икоты. В тот самый момент, когда она сказала ему, что уходит навсегда, он мог сказать лишь одно, чтобы заставить ее остаться. *Есть человек, который любит тебя, Лиш. Я люблю тебя. Я, Майкл. Я любил тебя всегда и буду любить тебя, пока жив*. Но все эти слова застряли где-то на полпути между мозгом и ртом, и он упустил момент.

– Окей.

– Окей, – повторила за ним она. И ушла.

Вот он, шторм, наутро его сорок пятого дня в море. Уйдя в свои мысли, Майкл позволил себе быть невнимательным – заметил, но не осознал полностью нарастающую ярость моря, совершенную черноту неба, нарастающее неистовство ветра. Шторм разыгрался очень быстро, с оглушительными раскатами грома и мощнейшим шквалом с дождем, который ударил лодку, будто гигантской ладонью, резко развернув ее. Вау, подумал Майкл, бросаясь к транцу. Вот это хрень господня. Зарифливать парус поздно, придется встречать шквал в лоб. Натянув главный парус потуже, Майкл стал приводить лодку носом к волне. Хлестала вода, пенясь и переливаясь через нос лодки и струями падая с небес. В воздухе пахло электричеством. Затянув узел зубами, Майкл изо всех сил потянул канат и перекинул через блок.

Хорошо, подумал он. По крайней мере, ты мне поссать дал. Посмотрим, ублюдок, на что ты способен.

И он повел лодку навстречу шторму.

Шесть часов спустя он вырвался, и сердце его воспарило от радости победы. Шквал уходил, унося тучи, за ними виднелось окно голубого неба. Майкл понятия не имел, где он, с курса он сбился, конечно же. Оставалось только идти на запад, пока не дойдешь до берега.

Спустя пару часов он увидел длинную серую полосу песчаного пляжа. Он шел вместе с приливом. Остров Галвестон, по всей видимости, судя по развалинам старого волнолома. Солнце высоко, ветер хороший. Свернуть к югу, в сторону Фрипорта – туда, где есть дом, еда, настоящая постель и всё остальное – или куда-нибудь еще? Однако события нынешнего

утра были столь яркими, что эта перспектива показалась ему скучной и убогой в качестве завершения такого дня.

Он решил исследовать Хьюстонский судоходный канал. Там можно будет стать на якорь на ночь, а утром отправиться к Фрипорту. Майкл поглядел на карту. Узкая полоса воды отделяла северную оконечность острова от полуострова Боливар. С другой стороны был залив Галвестон, округлый, шириной около двадцати миль, в глубине которого, в его северо-восточной части, был глубокий эстуарий, по краям которого стояли развалины портовых сооружений и химических заводов.

Он быстро шел к заливу с попутным ветром. Здесь, в отличие от коричневатой воды у побережья, вода была чистой, практически прозрачной, зеленоватого оттенка. Майкл даже видел скользящие в глубине темные силуэты рыб. На берегу то тут, то там виднелись огромные кучи мусора и обломков, но в других местах берег был будто вычищен.

Уже вечерело, когда он подошел ко входу в эстуарий. В канале виднелся огромный темный силуэт. Когда Майкл подошел ближе, то понял, что это огромный корабль, длиной не в одну сотню метров. Он застрял между двумя опорами вантового моста, пересекающего канал. Майкл подвел свою лодку ближе. Корабль стоял на месте, слегка накренившись на левый борт и с дифферентом на нос. Корма приподнялась, и над водой, ниже ватерлинии, виднелись огромные гребные винты. Он на мели? Как он сюда попал? Наверное, точно так же, как и он сам, волной и приливом принесло к проливу Боливара. На корме, в потеках ржавчины, виднелись буквы названия корабля и порта приписки.

БЕРГЕНСФЬОРД
ОСЛО, НОРВЕГИЯ

Майкл подвел «Наутилус» к ближайшей из опор. Да, лестница. Пришвартовавшись и спустив паруса, он спустился в рубку. Монтировка, лампа, набор инструмента и два куска крепкой веревки метров по тридцать. Сложив всё в рюкзак, Майкл вернулся на палубу, сделал глубокий вдох, сосредоточиваясь, и полез вверх.

Высоты Майкл не боялся, у него просто выбора не было. На нефтеперегонном заводе ему часто приходилось залезать весьма высоко, болтаясь в обвязке у ректификационных колонн и счищая с них ржавчину. Со временем он привык к этому и уже не робел, по крайней мере с точки зрения товарищей по бригаде. Но сейчас эта привычка не очень помогла ему. Стальные ступени лестницы, вделанные в бетон опоры, при ближайшем рассмотрении оказались не настолько надежными, какими казались издалека. Некоторые выглядели так, будто они вообще едва держатся. К тому времени, когда Майкл добрался до верха, его сердце колотилось уже где-то в районе горла. Он лег на спину на дорожное полотно моста, едва дыша. А потом глянул через край. До палубы корабля метров пятьдесят. Иисусе.

Он привязал веревку к ограждению моста и бросил вниз, провожая ее взглядом. Нужно будет хорошо держаться ногами, чтобы контролировать скорость спуска. Ухватившись за веревку руками, он повернулся спиной к краю, откинулся назад, сглотнул и сделал шаг.

Первые полсекунды ему казалось, что он сделал самую большую в своей жизни ошибку. Что за идиотская идея! Он так камнем на палубу упадет. Но затем он поймал веревку ногами и сжал ее меж ступней мертвой хваткой. И начал спускаться, переставляя руки одну за другой.

Судя по всему, это какое-то грузовое судно. Оказавшись на палубе, Майкл пошел на корму. Открытая металлическая лестница вела наверх, в штурманскую рубку. Дойдя до верха, Майкл оказался у массивной металлической двери, рукоятка которой не желала двигаться с места. Отломив ручку монтировкой, Майкл вставил внутрь механизма жало отвертки. Немного повозился, отщелкивая штифты замка, а потом снова взял в руки монтировку и открыл дверь.

В лицо ударил едкий аммиачный запах, от которого заслезились глаза. Воздух, которым уже сотню лет никто не дышал. Ниже широкого смотрового окна располагался пульт управ-

ления, ряды тумблеров и циферблатов приборов, плоские компьютерные мониторы и клавиатуры. В одном из трех высоких кресел у пульта виднелось тело человека. Время превратило его в ссохшуюся коричневую мумию, покрытую заплесневелыми лохмотьями, оставшимися от одежды. На плечах виднелись погоны, похожие на военные, с тремя полосами. Старший офицер, подумал Майкл, возможно, даже капитан корабля. Причина смерти была вполне очевидна – дыра в черепе размером с кончик мизинца Майкла, место, где вошла пуля. На полу, под вытянутой в сторону правой рукой, лежал револьвер.

Остальные тела Майкл нашел в помещениях под палубой. Почти все – в постели. Он не стал долго здесь задерживаться, лишь сосчитал. Всего сорок два трупа. Покончили ли они с собой? Судя по тому, что тела в порядке, возможно, однако непонятно, как они это сделали. Майкл и раньше видел нечто подобное, но никогда столько человек в одном месте.

Спускаясь всё ниже, он наткнулся на помещение, непохожее на остальные. В нем было много коек, а не одна-две, узкие, в два яруса, закрепленные к переборкам, с узким проходом между ними. Матросский кубрик? Многие койки были пусты, он насчитал здесь всего восемь тел, из которых два были нагими и лежали на нижней койке, сплетя руки и ноги.

Здесь было побольше мусора, пол покрывали гнилые обрывки ткани и всевозможные предметы. Стены у коек были украшены выцветшими фотографиями, иконами, открытками. Осторожно сняв одну из фотографий, он поднес ее к фонарю. На ней была улыбающаяся темноволосая женщина с ребенком на коленях.

Краем глаза он заметил что-то еще.

Большой лист бумаги, тонкой, как носовой платок, приклеенный клейкой лентой в изголовье койки, с вычурными буквами, «Интернэшнл геральд трибьюн». Майкл аккуратно отклеил ленту и положил бумагу на койку.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ

Кризис Разрастается, Люди Гибнут По Всему Миру

Вирус распространяется по всем континентам

Порты и границы наводнены миллионами

бегущих от распространяющейся заразы

Крупные города погрузились в хаос, когда массовые отключения энергии погрузили Европу во тьму

РИМ (АП), 13 мая – мир оказался на грани хаоса, когда во вторник болезнь, известная как Пасхальный Вирус, продолжила свое смертельное шествие по планете.

Хотя быстрое распространение вируса затрудняет оценку числа погибших, сотрудники департамента здравоохранения ООН оценивают их в сотни миллионов.

Вирус, распространяющийся воздушно-капельным путем, видоизмененный штамм того, что опустошил Северную Америку два года назад, был обнаружен на Кавказе и в Центральной Азии всего пятьдесят девять дней назад. Сотрудники медицинских служб тщетно пытались определить как его источник, так и эффективные способы лечения.

«В данный момент мы можем лишь сказать, что этот патоген необычайно силен и смертельно опасен, – сказала Мадлен Дюплесси, председатель исполнительного комитета Всемирной организации здравоохранения, выступая в штаб-квартире организации в Женеве. – Смертность достигает практически ста процентов».

В отличие от ситуации в Северной Америке, Пасхальный Вирус не требует непосредственного физического контакта, чтобы передаваться от человека к человеку, и может распространяться на большие расстояния вместе с частичками пыли или воздушно-капельным путем, так что многие сравнивают эту эпидемию с эпидемией «испанского гриппа» 1918 года, от которой по всему миру погибли 50 миллионов человек. Запрет на перемещения практиче-

ски не помогает в борьбе с его распространением, как и попытки властей крупных городов запретить собрания в общественных местах.

«Боюсь, мы на грани потери контроля над ситуацией, – сказал итальянский министр здравоохранения Винченцо Монти на пресс-конференции, в ходе которой то и дело слышался кашель. – Хочу максимально подчеркнуть важность того, чтобы люди оставались в своих домах. Дети, взрослые, старики – эпидемия не щадит никого. Единственным способом выжить является не заразиться».

Проникая через легкие, Пасхальный Вирус мгновенно сокрушает защитные силы организма, воздействуя на дыхательную и пищеварительную системы. Первоначальные симптомы – потеря ориентации, лихорадка, головная боль и спонтанная рвота. Когда патоген набирает полную силу, у жертв происходят сильнейшие внутренние кровотечения, обычно приводящие к смерти в течение 36 часов, хотя сообщается и о случаях, когда здоровые взрослые люди умирали за два часа. Очень редко у жертв заболевания проявляются эффекты трансформации, сходные с Североамериканским Вирусом, выражающиеся в значительном росте агрессивности, но удалось ли кому-то из этих людей преодолеть порог в 36 часов, неизвестно.

«Похоже, процент таких случаев очень мал, – сказала репортерам Дюплесси. – Чем эти люди отличаются от остальных, мы пока просто не знаем».

Сотрудники ВОЗ предполагают, что заболевание могло быть перенесено из Северной Америки на кораблях или самолетах, несмотря на международный карантин, введенный ООН в июне два года назад. Другие теории насчет происхождения патогена рассматривают гипотезу о пернатых переносчиках, учитывая массовое вымирание нескольких видов перелетных птиц, случившееся на Южном Урале незадолго до того, как начала распространяться эта болезнь.

«Мы рассматриваем все варианты, – сказала Дюплесси. – Мы не отказываемся ни от каких гипотез».

Третья теория заключается в том, что это дело рук террористов. Отвечая на неоднократные заявления в прессе, генеральный секретарь Интерпола Хавьер Кабрера, бывший министр Министерства внутренней безопасности США и член правительства США в изгнании, располагающегося в Лондоне, сказал репортерам следующее: «В настоящий момент ни одна группа, ни какие-либо отдельные люди не взяли на себя ответственность за это, насколько нам известно, хотя мы продолжаем расследование». Кабрера также заявил, что международная правоохранительная организация, членами которой являются 190 государств, не имеет никаких свидетельств тому, что какая-либо террористическая организация либо поддерживающее ее правительство имеет возможность создать подобный вирус.

«Несмотря на все имеющиеся трудности, мы продолжаем координировать наши усилия, работая с правоохранительными органами и разведывательными службами всего мира, – сказал Кабрера. – Это глобальный кризис, и он требует глобального ответа. Если появятся надежные доказательства того, что вирус создан человеком, сделавшие это обязательно будут привлечены к ответственности».

Поскольку практически во всем мире в настоящее время действуют законы военного времени, в сотнях городов начались бунты. Сообщается о жестоких столкновениях в Рио-де-Жанейро, Стамбуле, Афинах, Копенгагене, Праге, Йоханнесбурге и Бангкоке. Чтобы сдержать растущую волну насилия, на экстренном заседании ООН в Гааге был принят призыв ко всем странам ограничивать применение силы.

«Для человечества сейчас не время воевать с самим собой, – заявил в своем письменном обращении генеральный секретарь ООН Ан Юн-дэ. – В эти темные времена именно человечность должна стать для нас путеводной звездой».

Отключения электроэнергии по всей Европе продолжают создавать помехи проводимым мероприятиям и усиливают хаос. В ночь на вторник волна отключений простиралась от Дании на севере до юга Франции и Северной Италии. Схожая ситуация наблюдается в Азии, Японии и Западной Австралии.

Возникли серьезные неполадки в работе проводной и мобильной связи, отрезая города от внешнего мира. В Москве нехватка воды и сильный ветер привели к крупным пожарам, в результате чего бóльшая часть города выгорела. Погибли тысячи человек.

«Всё пропало, – сказал один из очевидцев. – Города Москвы больше не существует».

Всё чаще приходят сообщения о массовых самоубийствах и так называемых «культах смерти». Ранним утром в Цюрихе полицейские, прибывшие на вызов по сообщению о подозрительном запахе, обнаружили на складе более 2500 тел, в том числе детей и младенцев. Согласно докладу полиции, группа использовала для создания смертельного коктейля «секобарбитал», мощнейший барбитурат, смешав его с сухим концентратом фруктового напитка. Хотя большинство жертв, судя по всему, выпили его добровольно, некоторые из погибших были связаны по рукам и ногам.

Отвечая на вопросы прессы, начальник полиции Цюриха Франц Шац описал увиденное как «невыразимый ужас». «Не могу даже представить себе степень отчаяния людей, которые оборвали не только собственные жизни, но и жизни своих детей», – сказал Шац.

По всему миру люди всё чаще стали собираться в молельных домах и стекаться в крупнейшие религиозные центры, чтобы найти утешение в религии в эти времена. В Мекке, самом святом для мусульман месте, собрались миллионы, несмотря на нехватку еды и воды, добавившую им страданий. В Риме Папа Корнелий II, по свидетельствам многих очевидцев, уже заболев, обратился к верующим вечером вторника с балкона своей резиденции и призвал их «вверить свои жизни в руки всемогущего и милосердного Бога».

По всему городу звонили колокола. «Если воля Божия в том, что настали последние дни в истории человечества, – сказал понтифик, – пусть мы встретимся с нашим Отцом небесным, наполнив сердца наши миром и принятием. Не ввергайте себя в пучину отчаяния, ибо живой и любящий нас Господь, в чьих руках пребывают жизни детей Его с начала времен, пребудет с нами вовеки».

По мере роста числа жертв сотрудники органов здравоохранения стали беспокоиться о том, что незахороненные останки умерших могут ускорить распространение инфекции. Пытаясь совладать с ситуацией, во многих регионах Европы стали проводить массовые захоронения. Другие стали отвозить умерших к морю на грузовиках и сбрасывать в воду.

Однако, несмотря на весь риск, многие родственники умерших берут дело в свои руки, хороня своих близких на любом доступном клочке земли. Типичным для крупных городов мира стал пример Булонского леса, одного из старейших и известнейших в Европе городских парков, который теперь стал местом для тысяч могил.

«Это последнее, что я могу сделать для моей семьи», – сказал Жерар Боннэр, тридцати шести лет, стоя у свежевырытой могилы, где он похоронил свою жену и маленького сына, которые умерли один за другим в течение шести часов. После бесплодных попыток известить официальные органы Боннэр, по его словам работающий во Всемирном банке, попросил соседей помочь перенести тела и вырыть могилу, на которой он оставил семейные фотографии и мягкую игрушку-попугая, любимую игрушку его сына.

«Я могу лишь надеяться на то, что очень скоро воссоединюсь с ними, – сказал Боннэр. – А что еще всем нам теперь остается? Что мы еще можем сделать, кроме как умереть?»

Майкл не сразу понял, что дочитал до конца статьи. Его тело онемело и будто лишилось веса. Он оторвал взгляд от газеты и огляделся, будто ища того, кто скажет ему, что он ошибся,

что всё это ложь. Но вокруг никого не было, лишь тела да огромная поскрипывающая махина «Бергенсфьорда».

Боже правый, подумал он. Мы остались одни.

5

Женщина на шестнадцатой койке буянила. При каждой схватке она изрыгала поток проклятий в адрес своего мужа, таких, от которых нефтяник бы покраснел. Что еще хуже, шейка матки у нее едва раскрылась, на два сантиметра.

– Постарайся успокоиться, Мария, – сказала ей Сара. – От воплей и ругани тебе лучше не станет.

– Будь ты проклят, сукин сын, что ты со мной сделал! – хрипло выкрикнула Мария своему мужу.

– Вы ничего не можете сделать? – спросил Сару муж Марии.

Сара не знала, имеет ли он в виду то, что сможет унять боль или что заставит его жену заткнуться. Судя по обреченному выражению его лица, ему было не привыкать к оскорблениям. В поле работает, поняла Сара, глядя на полоски земли у него под ногтями.

– Просто скажи ей, чтобы она дышала.

– А я что делаю? – язвительно спросила женщина и, демонстративно надув щеки, сделала пару выдохов.

Ударить бы ее киянкой в лоб, и дело с концом, подумала Сара.

– Ради бога, скажите этой женщине, чтобы заткнулась! – сказал лежащий на соседней койке пожилой мужчина. У него была пневмония, и он закончил свою фразу приступом мокрого кашля.

– Мария, мне реально нужно, чтобы ты мне помогала, – сказала Сара. – Ты тревожишь других пациентов. А я в данный момент ничего не могу сделать. Нам остается лишь ждать, когда природа возьмет свое.

– Сара?

Сзади подошла Дженни. Ее каштановые волосы были сбиты набок и прилипли к покрытому потом лбу.

– У нас женщина. Еще одна. Процесс в разгаре.

– Секунду.

Сара жестко поглядела на Марию. Чтоб больше без фокусов, читалось в ее взгляде.

– Мы друг друга поняли?

– Хорошо, – фыркнула женщина. – Будь по-твоему.

Сара пошла в приемный покой следом за Дженни. Там на носилках лежала женщина, рядом с ней стоял ее муж, держа ее за руку. Постарше, чем пациентки, которых привыкла видеть Сара, лет, наверное, сорока, с жестким худым лицом и зубами вразнобой. В ее длинных, влажных от пота волосах виднелись седые пряди. Сара быстро проглядела карту.

– Миссис Хименес, я доктор Уилсон. У вас срок тридцать шесть недель, правильно?

– Не знаю. Примерно.

– Как долго у вас кровотечение?

– Пару дней. Поначалу очень слабое было, но сегодня утром стало сильнее, и болеть начало.

– Говорил я ей, раньше надо было приходить, – сказал ее муж, здоровяк в темно-синем комбинезоне, с руками, как медвежьи лапы. – А я на работе был.

Сара проверила у женщины пульс и давление, а затем подняла сорочку, положила ладони на живот и слегка нажала. Женщина вздрогнула от боли. Сара передвинула ладони ниже, потом

в сторону, пытаясь нащупать место разрыва. И тут заметила двоих мальчишек, подростков, сидящих чуть в стороне. Переглянулась с мужчиной, но ничего не сказала.

– У нас есть сертификат на право родить, – нервно сказал тот.

– Давайте не будем сейчас об этом.

Сара достала из кармана халата фетоскоп и прижала серебристый диск к животу женщины, подняв руку, чтобы все помолчали. У нее в ушах раздались четкие мощные удары. Сосчитав пульс плода, она записала его в карту. 118, немножко медленно, но не настолько, чтобы беспокоиться.

– Окей, Дженни, давай ее в операционную.

Она повернулась к мужчине.

– Мистер Хименес…

– Зовите меня по имени, Карлос.

– Карлос, всё будет хорошо. Но вашим детям лучше подождать здесь.

Плацента от стенки матки отделилась, вот и кровотечение. Кровь может и сама по себе свернуться, но, судя по тому, что плод в ягодичном предлежании, родить естественным путем будет сложно. При сроке в тридцать шесть недель Сара не видела причин ждать. В коридоре у операционной она объяснила, что она намерена сделать.

– Мы могли бы и подождать, – сказала она мужу роженицы, – но я не думаю, что это будет правильно. Ребенку может не хватать кислорода из-за кровотечения.

– Я могу быть рядом с ней?

– В этом случае – нет, – ответила Сара. Взяла мужчину за руку и посмотрела ему в глаза. – Я о ней позабочусь, будьте уверены. Поверьте мне, вам еще представится возможность многое для нее сделать.

Сара сказала, чтобы принесли обезболивающее и инкубатор. Она и Дженни вымыли руки и надели операционные халаты. Дженни обработала живот и паховую область женщины йодом и привязала ее к столу. Сара повернула светильник, тоже надела перчатки, а затем налила обезболивающее в небольшую кювету. Взяла пинцетом тампон, обмакнула в коричневую жидкость и сунула тампон в отверстие в дыхательной маске.

– Окей, миссис Хименес, сейчас я вам эту маску на лицо надену. Запах будет несколько странным.

Женщина поглядела на нее в бессильном ужасе.

– Больно будет?

Сара улыбнулась в ответ.

– Поверьте, вы не почувствуете. Когда очнетесь, ваш ребенок уже будет снаружи.

Сара положила маску на лицо женщине.

– Дышите медленно и ровно.

Женщина отключилась, будто лампочка. Сара подкатила поднос с инструментами, еще теплыми после автоклава, и натянула на лицо маску. Взяв скальпель, сделала косой разрез от верха лобковой кости, а потом следующий, раскрывая матку. Увидела младенца, свернувшегося головой вниз в околоплодном мешке. Околоплодные воды были окрашены в розовый цвет от крови. Сара аккуратно проткнула мешок и сунула внутрь щипцы.

– Окей, будь наготове.

Дженни стала рядом с ней с полотенцем и тазом. Сара начала доставать младенца через разрез, мгновенно подхватывая его под голову и кладя на крохотные плечи большой палец и мизинец. *Ее*. Девочка. Сара медленно вытащила ее. Обернув младенца полотенцем, Дженни отсосала у нее изо рта и носа околоплодную жидкость, перекатила ее на живот и начала тереть спину. Малышка икнула и начала дышать. Сара пережала пуповину и перерезала ее ножницами, а затем вытащила плаценту и кинула ее в таз. Дженни положила малышку в инкубатор

и стала проверять ее пульс и дыхание, а Сара начала накладывать швы на разрезы у женщины. Минимум крови, никаких осложнений, здоровый ребенок. Неплохо за десять минут работы.

Сара сняла маску с лица женщины.

– Она уже здесь, – прошептала она женщине на ухо. – Всё хорошо. Здоровенькая девчушка.

Муж и сыновья ждали снаружи. Сара дала им немного побыть вместе. Карлос поцеловал жену, которая уже начала просыпаться от наркоза, а потом поднял ребенка на руки. Потом ребенка подержали на руках оба мальчишки, по очереди.

– Вы ей уж имя придумали? – спросила Сара.

Мужчина кивнул. Его глаза блестели от слез. Хороший человек, подумала Сара, не все мужья столь же сентиментальны. Некоторые кажутся вообще равнодушными.

– Грейс.

Мать и дочь увезли на каталке по коридору. Мужчина отправил мальчишек прочь, а затем сунул руку в карман комбинезона и нервно отдал Саре бумагу, ту самую, которую она ожидала от него получить. Пары, желающие завести третьего ребенка, должны были выкупить это право у другой пары, у которой детей было меньше, чем разрешено законом. Саре это не нравилось, ей казалось неправильным, что можно продавать и покупать право создать нового человека, да и, по опыту, половина сертификатов, которые ей предоставляли, были поддельными, купленными у цеховиков.

И она стала разглядывать документ, который дал ей Карлос. Бланк официального образца, нормальный, но вот чернила даже и близко не того цвета, каким заполняют такие бумаги, и печать не с той стороны.

– Кто бы вам это ни продал, требуйте свои деньги обратно.

Карлос побледнел.

– Умоляю, я всего лишь гидротехник. У меня денег столько нет, чтобы налог заплатить. Это я во всём виноват. Она сказала, что мы просто не тот день выбрали.

– Хорошо, что вы признаёте это, но вопрос не в этом.

– Я вас умоляю, доктор Уилсон. Не заставляйте нас отдавать ее Сестрам. Мои сыновья – хорошие мальчики, вы же видели.

У Сары не было намерения отдавать малышку Грейс в приют. С другой стороны, сертификат у Карлоса – настолько очевидная фальшивка, что в бюро переписи это обязательно заметят.

– Сделайте одолжение нам обоим, избавьтесь от этого. Я зарегистрирую рождение, а если возникнут проблемы с бумагами, что-нибудь придумаю. Скажу, что потеряла, или что-нибудь еще. Если повезет, этого могут и не заметить в суете.

Карлос даже не поднял руку, чтобы забрать сертификат. Похоже, он не осознавал того, что Сара ему сказала. Несомненно, он тысячу раз прокручивал в уме этот момент и вряд ли мог себе представить, что кто-то решит его проблему так просто.

– Давайте, забирайте.

– Вы правда это сделаете? Зачем вам эти проблемы?

Сара сунула ему в руку лист бумаги.

– Порвите и бросьте в мусорный бак где-нибудь. И забудьте о том, что у нас был этот разговор.

Мужчина убрал сертификат в карман. Мгновение казалось, что ему хочется обнять ее, но он удержался.

– Мы будем молиться за вас, доктор Уилсон. Клянусь, мы всё сделаем, чтобы она жила хорошо.

– Рассчитываю на это. И сделайте одолжение.

– Что угодно.

– Когда жена в следующий раз вам скажет, что день неподходящий, верьте ей, окей?

Сара показала паспорт на пропускном пункте и пошла домой по темным улицам. Кроме больницы и других особо важных зданий, электричество везде отключали в 22.00. Не то чтобы город сразу погружался в сон, как только отключили свет, просто в темноте он становился несколько иным, начинал жить другой жизнью. Салуны, бордели, игорные дома – Холлис ей много что рассказывал, а после двух лет в лагере беженцев осталось мало, чего Сара не видела бы своими глазами.

Она пришла домой. Кейт давно легла спать, но Холлис ждал ее, читая книгу при свете свечи за кухонным столом.

– Что-то интересное? – спросила Сара.

Поскольку Сара постоянно допоздна задерживалась в госпитале, Холлис стал заядлым чтецом, набирая в библиотеке охапки книг и составляя их в стопку у кровати, откуда он их брал по очереди.

– Многовато белиберды всякой. Майкл давно мне рекомендовал прочитать. Про подводную лодку.

Сара повесила пальто на крючок у двери.

– Что за подводная лодка?

Холлис закрыл книгу и снял очки для чтения. Новое приобретение, подумала Сара. Небольшие полукруглые линзы, поцарапанные, в черной пластиковой оправе, но Холлис выглядел в них почтенно. Сам, правда, говорил, что чувствует в них себя старым.

– Очевидно, лодка, которая под водой плавает. По мне, так полная чушь, но в целом роман неплохой. Есть хочешь? Могу что-нибудь соорудить.

Есть хотелось, но и сил есть уже не было.

– Не, только в кровать и спать.

Она зашла к Кейт, которая крепко спала, а потом подошла к рукомойнику и умылась. Остановилась и поглядела на себя в зеркало. Да, сомнений нет, годы дают о себе знать. Морщинки, веером разбегающиеся от глаз, светлые волосы, которые она теперь стригла покороче и зачесывала назад, немного поредели, кожа начала терять упругость. Она всегда считала себя красивой и, при нужном освещении, такой и осталась. Но в суете жизни не заметила, как миновала пик. В прошлом, глядя на себя в зеркало, она будто видела ту маленькую девочку, которой была когда-то. Женщина, которой она стала, была естественным продолжением той девочки. А теперь она видела перед собой будущее. Морщины будут становиться глубже, кожа обвиснет, а блеск глаз потускнеет. Ее молодость уходит, уходит в прошлое.

Однако эта мысль не обеспокоила ее, по крайней мере не слишком. С возрастом приходит авторитет, а с авторитетом – способность приносить пользу. Исцелять, утешать, помогать прийти в этот мир новым людям. «Мы будем молиться за вас, доктор Уилсон». Сара слышала эти слова чуть ли не каждый день, но так к ним и не привыкла. Даже само обращение, «доктор Уилсон». Ее всё еще поражало, когда к ней так обращались. Когда Сара прибыла в Кервилл три года назад, она пришла в госпиталь узнать, не пригодится ли она там с ее навыками медсестры. В маленькой комнате без окон врач по фамилии Элаква долго экзаменовал ее – системы организма, способы диагностики, способы лечения болезней и травм. На его лице не отражалось никаких эмоций, единственной реакцией на ответы Сары были пометки на листе бумаги на планшете. Допрос длился три часа, и к его окончанию у Сары было ощущение, будто она бредет вслепую сквозь бурю. Какой толк от ее убогого обучения и опыта применения подручных средств в Колонии здесь, в настоящем медицинском учреждении? Как она могла быть столь наивна?

– Ну, я думаю, этого будет достаточно, – сказал доктор Элаква. – Поздравляю.

Сара ошеломленно глядела на него. Он что, шутит?

– Значит ли это, что я смогу быть медсестрой? – спросила она.

– Медсестрой? Нет. Медсестер у нас хватает. Приходите завтра же, мисс Уилсон. Ваша ординатура начнется в семь ноль-ноль ровно. Думаю, двенадцати месяцев нам хватит.

– Ординатура? – переспросила Сара.

Элаква, чей тогдашний допрос был лишь бледной тенью того, что последовало потом, ответил с нескрываемым раздражением:

– Возможно, я неясно выразился. Я не знаю, где вы всему этому научились, но вы знаете раза в два больше, чем имели хоть какую-то возможность узнать. Вы станете врачом.

И конечно же, Кейт. Их прекрасная, изумительная, чудесная Кейт. Сара и Холлис с радостью завели бы второго ребенка, но травмы при родах Кейт слишком сильно повредили ее внутренности. Как жаль, какая ирония судьбы. Каждый день, день за днем помогая прийти в этот мир всё новым детям, Сара не ощущала в себе права жаловаться. То, что она вообще смогла найти свою дочь, то, что они смогли воссоединиться с Холлисом, уйти из Хоумленда живыми и стать семьей, вернувшись в Кервилл, – слово «чудо» казалось для этого слишком бледным. Сара не была религиозна в том смысле, чтобы регулярно ходить в церковь, пусть Сестры и казались ей людьми хорошими, может, немного экстремальными в своих верованиях, но надо было быть идиотом, чтобы не увидеть в произошедшем руку судьбы. Невозможно, каждый день просыпаясь в мире, в котором она живет, не размышлять о том, что надо быть благодарной за это.

Про Хоумленд она думала редко, так редко, как получалось. Но он ей всё так же снился – хотя, как ни странно, эти сны не затрагивали самого худшего, что случилось с ней там. Большей частью это были ощущения – голода, холода и беспомощности – или образ бесконечно вращающихся жерновов мельниц на заводе биодизеля. Иногда Сара просто озадаченно смотрела на свои руки, будто пытаясь вспомнить, что она должна была в них держать. Время от времени ей снилась Джеки, старая женщина, которая с ней подружилась, или Лайла, к которой Сара испытывала сложные чувства. Со временем из всех этих чувств осталось лишь печальное сочувствие. Бывали и настоящие кошмары, но очень редко. Она несла Кейт сквозь густой снегопад, и их преследовало нечто ужасное. Но они случались всё реже. Так что был еще один повод для благодарности. Когда-нибудь, не очень скоро, но когда-нибудь, Хоумленд станет для нее еще одним воспоминанием в череде других, неприятным, но от которого остальные будут лишь лучше.

Холлис уже крепко спал. Спал, как падший великан. Как только его голова касалась подушки, он уже храпел. Сара потушила свечу и залезла под одеяло. Интересно, подумала она, родила ли уже Мария или всё так же орет на своего мужа. Задумалась о семье Хименесов, вспомнила лицо Карлоса, когда он взял на руки малышку Грейс. Быть может, Грейс, «милосердие» – именно то слово, то понятие, в котором нуждается их мир. Вполне возможно, что бюро переписи все-таки их отловит, но Сара сомневалась в этом. После того, как помогла прийти в этот мир столь многим детям. Вот в чем суть. Новый мир рождается, он наступает здесь и сейчас. Может, это понимаешь, становясь старше, когда смотришь в зеркало и видишь на своем лице отпечатки времени, когда смотришь на свою дочь и видишь в ней ту девочку, которой была сама и которой уже никогда не будешь. Мир реален, и ты присутствуешь в нем, являясь его частью, небольшой и ненадолго. Если повезет и, возможно, даже если не повезет, то, что было сделано тобой ради любви, останется в людской памяти.

6

Небо над Хьюстоном провожало ночь, не торопясь, черное медленно уступало место серому. Грир въехал в город. На пересечении автострады «Кэти» и 610-й, среди мешанины обрушившихся развязок и эстакад, он свернул на север, прочь от болотистых рукавов дельты и

трясин с их чавкающей грязью и непроходимыми зарослями. Объехав заболоченные кварталы стороной, он выбрался на возвышенность и поехал по широкой авеню, заваленной ржавыми автомобилями, на юг, к лагуне в деловом квартале.

Шлюпка была там же, где он оставил ее два месяца назад. Грир привязал лошадь к столбу, вычерпал кишащую москитами воду и стащил лодку в воду. На другой стороне лагуны возвышался «Шеврон Маринер», громадный храм ржавчины и гниения, застрявший между покосившимися небоскребами центра города. Положив снаряжение на дно лодки, Грир толкнул ее дальше, взял в руки весла и начал грести прочь от берега.

В вестибюле Аллен-Центра он пришвартовал лодку рядом с лифтами и пошел вверх, перекинув через плечо вещмешок с его плещущимся содержимым. Подъем на десять этажей по лестницам, заполненным пылью и плесенью, дался ему нелегко. У него кружилась голова и перехватывало дыхание. Он зашел в пустой кабинет, взял в руки веревку, которую оставил там, спустил вещмешок на палубу «Маринера», а затем стал спускаться сам.

Первым он всегда кормил Картера.

На левом борту, почти посередине корабля, виднелся люк. Грир присел и достал из вещмешка бутыли с кровью. Связал три штуки за ручки концом одной веревки. Солнце светило ему в спину, заливая палубу ярким светом. Взяв в руки массивный ключ, Грир отвернул болты, повернул рукоятку и открыл люк.

Солнце прочертило внутри яркий косой столб. Картер лежал у носовой переборки в позе эмбриона, недоступный солнечному свету. На полу кучей валялись старые бутыли и веревки. Перебирая руками по веревке, Грир спустил бутыли вниз. Картер проснулся лишь тогда, когда они коснулись пола. Ринулся к ним на всех четырех. Грир отпустил веревку, закрыл люк и завернул болты на место.

Теперь Эми.

Грир подошел ко второму люку. Главное было делать всё быстро, но без панической суеты. Тонкая пластиковая стенка бутылки была слишком убогой преградой, чтобы Эми не почуяла запах крови. Ее голод был очень силен. Грир положил бутыли прямо под руку, вывернул болты и убрал руки в сторону. Сделал глубокий вдох и выдох, успокаиваясь, и открыл люк.

Кровь.

Она прыгнула. Луций бросил бутыли, захлопнул люк и вставил на место первый болт как раз в тот момент, когда тело Эми ударилось в люк. Металл лязгнул, будто в него ударили огромным молотом. Грир бросился на люк, прижимая его своим телом, когда последовал второй удар, от которого у него перехватило дыхание. Петли прогибались, и, если он не завернет остальные болты, люк не выдержит. Он ухитрился вставить еще два, когда Эми ударила снова. Грир увидел, как один из болтов выскочил и покатился по палубе. Он резко выбросил руку в сторону и едва успел поймать его.

– Эми! – заорал он. – Это я, Луций!

Он воткнул болт в дырку и ударил по нему головкой ключа, вгоняя его.

– Там кровь! Иди на запах крови!

Три поворота ключа, и болт был затянут. Четвертое отверстие встало на место. Луций ударом вогнал в него болт. Последний удар снизу в люк, уже намного слабее, и всё кончилось.

Луций, я не хотела…

– Всё нормально.

Прости.

Грир собрал инструменты и убрал их в пустой вещмешок. Внизу, в трюме «Шеврон Маринера», Эми и Картер утоляли свою жажду. Всё всегда так происходило, Грир мог бы уже привыкнуть. Но его сердце всё равно колотилось, а тело и сознание будто летели на адреналине.

– Я твой, Эми, – сказал он. – Всегда был и буду. Что бы ни случилось, сама знаешь.

С этими словами Луций двинулся обратно по палубе «Маринера», а затем полез по веревке в окно.

7

Эми пришла в себя и поняла, что стоит на карачках в грязи. На ее руках были перчатки, рядом стоял плоский пластиковый ящик с бальзаминами, а еще ржавый совок.

– С вами всё в порядке, мисс Эми?

Картер сидел в патио, вытянув ноги под столом с литой чугунной станиной и обмахивая лицо большой соломенной шляпой. На столе стояли два стакана чая со льдом.

– Этот человек хорошо о нас заботится, – сказал он и удовлетворенно вздохнул. – Уже и не помню, когда последний раз жажду утолял.

Эми неуверенно поднялась на ноги. Ее охватила страшная вялость, будто она только что проснулась от долгого сна.

– Идите, посидите минутку, – сказал Картер. – Дайте телу переварить принятое. День еды – день отдыха. И пусть цветы подождут.

Это правда, цветы были и будут, всегда. Как только Эми заканчивала высаживать один ящик, появлялся новый. То же самое с чаем – только что стол был пуст, и вдруг на нем появлялись два запотевших стакана. Эми не знала, какая незримая служба делает это. Всё это было частью этого места, его особенной логикой. Каждый день – как время года, каждое время года – как год.

Она сняла перчатки и прошла по газону. Села напротив Картера. Во рту стоял вязкий вкус крови. Она отпила чая, чтобы смыть его.

– Это хорошо, поддержать силы, мисс Эми, – сказал Картер. – Нет никакого проку морить себя голодом.

– Мне это просто… не нравится.

Она поглядела на Картера, который всё так же обмахивался шляпой.

– Я снова пыталась убить его.

– Луций хорошо знает ситуацию. Сомневаюсь, что он принял это близко к сердцу.

– Дело не в этом, Энтони. Мне надо научиться контролировать это, подобно тебе.

Картер нахмурился. Он всегда говорил короткими фразами, жестикулировал скупо, выдерживал паузы.

– Не вини себя так. У тебя было всего три года, чтобы ко всему этому привыкнуть. Ты в своем роде младенец, в том смысле, кем мы являемся.

– Я не чувствую себя младенцем.

– А кем же ты себя чувствуешь?

– Чудовищем.

Слишком резко она выразилась. Эми отвернулась, чувствуя стыд. После еды она всегда проходила через период сомнений. Как странно всё это. Она – тело внутри корабля, но ее сознание живет здесь, вместе с Картером, среди цветов и деревьев. Эти два мира соприкасались лишь тогда, когда Луций приносил кровь, и контраст сбивал ее с толку. Картер объяснил ей, что для них двоих в этом месте нет ничего особенного, разница лишь в том, что они в состоянии его видеть. Есть один мир, из плоти, крови и костей, но есть и другой – более глубинная реальность, та, которую обычные люди могут увидеть лишь мельком, если вообще видят. Мир душ, мир живых и мертвых, в котором пространство, время, память и желания существуют в чистом виде, так, как они существуют во снах.

Эми знала, что это так. Она чувствовала, что знала это всегда, даже будучи маленькой девочкой, совершенно *человеческой* девочкой, она ощущала существование этой иной реальности, мира-за-пределами-мира, так она его называла. Наверное, у многих детей так бывает,

решила она. Что такое детство, как не переход из света во тьму, медленное погружение души в океан привычной материи? За то время, что она провела на «Шеврон Маринере», для нее стало ясным многое в ее прошлом. Яркие воспоминания находили дорогу в ее сознание, вежливо возвращаясь в память, до тех пор, пока то, что случилось, казалось, столетия назад, не стало ощущаться как свежее воспоминание. Она вспомнила, как давным-давно, в тот период невинности, который она назвала для себя «прежде» – прежде Лэйси и Уолгаста, прежде Проекта НОЙ, прежде вершины горы в Орегоне, где они нашли себе дом, прежде ее бесконечных одиноких скитаний в мире, лишенном людей, где попутчиками ей были лишь Зараженные, – животные говорили с ней. Большие животные, такие как собаки, но даже и маленькие, те, на кого никто и внимания не обращает, – птицы и даже насекомые. Тогда она об этом совершенно не задумывалась, для нее это было в порядке вещей. Ее ничуть не беспокоило, что остальные этого не слышат, это было частью мироустройства, то, что животные говорят только с ней, всегда обращаясь к ней по имени, будто старые друзья, рассказывая про свою жизнь. Ее радовал этот особый дар, дар их внимания, в те времена, когда всё остальное в ее жизни выглядело лишенным смысла. Перепады настроения у ее матери, ее долгое отсутствие, их переезды с места на место, чужие люди, которые приходили и уходили без очевидной надобности.

Всё это шло без последствий до того дня, как Лэйси привела ее в зоопарк. Тогда Эми еще не осознала окончательно, что ее мать покинула ее – что она уже никогда не увидит эту женщину. Она с радостью откликнулась на предложение, она слышала про зоопарки, но ни разу в них не бывала. И вошла туда под радостный приветственный галдеж всех зверей. После странных событий предыдущего дня – внезапного исчезновения матери, монахинь, у которых она оказалась, хороших, но каких-то заторможенных, будто они проявляли свою доброту согласно некоему своду правил, – здесь ей стало хорошо и знакомо. Ощутив прилив сил, она вырвалась от Лэйси и бросилась к бассейну с белыми медведями. Три медведя лежали, купаясь в лучах солнца, четвертый плавал под водой. Какими величественными они были, какими потрясающими! Даже теперь, столько лет спустя, она вспоминала их с удовольствием, их прекрасный белый мех, огромные мускулистые тела, выразительные лица, в которых, казалось, читалась вся мудрость вселенной. Когда Эми приблизилась к стеклу, тот, что был в воде, подплыл к ней. Хоть она и знала, что ее способность разговаривать со зверями лучше проявлять в одиночестве, она не сдержалась от возбуждения. Ей вдруг стало очень жаль, что такое красивое создание вынуждено жить здесь, будто в тюрьме, лежа на солнце среди искусственных скал под взглядами зевак, которые их не ценят и не понимают.

– Как тебя зовут? – спросила она медведя. – Меня зовут Эми.

Его ответ был потоком несовместимых согласных, таким же, как имена остальных медведей, которые он тоже вежливо сообщил. Было ли это реальностью? Или она, маленькая девочка, просто выдумала себе это? Но нет. Всё это случилось в реальности, именно так, как она запомнила. Она стояла у стекла, подошла Лэйси. У нее на лице была сильная тревога.

– Ну-ка, Эми, – сказала Лэйси. – Не надо так близко.

Чтобы успокоить ее, а еще поскольку Эми ощущала, что эта добросердечная женщина с ее певучим акцентом открыта для восприятия необычного – в конце концов, зоопарк был ее идеей, – она объяснила всё так просто, как могла.

– У него есть медвежье имя, – сказала она Лэйси. – Но такое, что я произнести не могу.

Лэйси нахмурилась.

– У медведя есть имя?

– Есть, конечно, – ответила Эми.

И снова повернулась к своему новому другу, который стучался носом в стекло. Эми уже хотела было расспросить его о его жизни, о том, тоскует ли он по своей родной Арктике, и вдруг вода резко всколыхнулась. Второй медведь нырнул в бассейн. Поплыл к ней, загребая огромными, как колпаки автомобильных колес, лапами, и пристроился рядом с первым, кото-

рый лизал стекло огромным розовым языком. В толпе заохали и заахали, люди начали спешно фотографировать. Эми приложила ладонь к стеклу в знак приветствия, но у нее возникло нехорошее ощущение. Что-то было не так, это было нехорошо. Огромные черные глаза медведя смотрели не на нее, а *сквозь* нее, с таким напряжением, что она не могла отвести взгляд. Она ощутила, как растворяется в них, будто плавится, а затем пришло ощущение падения, будто она промахнулась ногой мимо ступеньки.

Эми, говорили медведи, *ты Эми, Эми, Эми, Эми, Эми…*

Начало что-то происходить. Суета в толпе. Сознание Эми расширялось, и она услышала другие звуки, другие голоса со всех сторон. Голоса не людей, а животных. Крики обезьян, щебет птиц. Рык крупных кошек, трубные голоса слонов, топот носорогов. В бассейн прыгнули третий и четвертый медведи, и вода волной перехлестнула через край, заливая толпу. Началась суматоха.

Это она, это она, это она, это она…

Она стала на колени у стекла, мокрая до нитки, и прислонилась лбом к его скользкой поверхности. Ее сознание было наполнено голосами, одним большим хором чернейшего ужаса. Будто вся вселенная свернулась вокруг нее, окутывая ее тьмой. Они умрут, все эти звери. Вот что означало для них ее присутствие. Медведи и обезьяны, птицы и слоны – все. Некоторые умрут от голода в клетках, другие погибнут насильственной смертью. Смерть заберет всех, и не только зверей. Людей тоже. Мир вокруг нее умрет, и она останется в его центре, в одиночестве.

Она грядет, смерть грядет, ты Эми, Эми, Эми…

– Ты вспоминаешь, так ведь?

Сознание Эми вернулось в патио. Картер пристально смотрел на нее.

– Прости, – сказала она. – Я не хотела грубить тебе.

– Ничего страшного. Я так же себя чувствовал поначалу. Чтобы привыкнуть, требуется время.

Ощущение лета уходило, скоро придет осень. В сине-зеленой воде бассейна всплывет тело Рэйчел Вуд. Иногда, когда Эми ухаживала за цветами у ворот, она видела черный «Денали», принадлежащий женщине, медленно проезжающий мимо. Сквозь тонированные стекла она угадывала силуэт глядящей на дом Рэйчел в теннисном костюме. Но машина никогда не останавливалась, а когда Эми махала ей, женщина никогда не махала в ответ.

– Как думаешь, сколько еще нам придется ждать?

– Это зависит от Зиро. Он должен проявить себя рано или поздно. Он считает, что я погиб вместе с остальными.

Картер объяснил, что его защищает вода. Холодное покрывало воды непроницаемо для разума Фэннинга. Пока они находятся здесь, Фэннинг не найдет их.

– Но он явится, – сказала Эми.

Картер кивнул.

– Он ждал долго, но этот человек хочет добиться своего. Он хотел этого с самого начала. Чтобы всё решилось.

Ветер крепчал – осенний ветер, сырой, жесткий. По небу летели облака, скрывая свет солнца. Это было то время суток, когда всегда наступала тишина.

– Хорошая мы парочка, а?

– Именно, мисс Эми.

– Интересно, ты можешь не называть меня «мисс»? Надо было давно тебе сказать.

– Я просто считаю это знаком уважения. Но мне нравится, что ты об этом просишь.

Начали падать листья, кружась. Порхая, засыпали газон, патио, борта бассейна, мелькая на ветру, будто призрачные руки. Эми подумала о Питере, о том, как она по нему тоскует. Где бы он ни был сейчас, оставалось только надеяться, что он найдет свое счастье в этой жизни. Это цена, которую она заплатила. Она пожертвовала им.

Отпив последний глоток чая и окончательно смыв вкус крови во рту, она надела перчатки.

– Готов?

– Как и ты, – ответил Картер, надевая шляпу. – Лучше поскорее заняться этими листьями.

8

– Майкл!

Его сестра остановилась, подбежав к нему, и обняла так, что у него хрустнули ребра.

– Вау, я тоже рад тебя видеть.

Медсестра в приемной глядела на них в изумлении, но Сару было не сдержать.

– Поверить не могу, – сказала она. – Что ты тут делаешь?

Она сделала шаг назад и оглядела его материнским взглядом. С одной стороны, он смутился, с другой – он бы разочаровался, если бы она этого не сделала.

– Боже, какой худой. И когда ты таким стал? Кейт посмеется.

Она поглядела на медсестру, пожилую женщину в потертом костюме.

– Венди, это Майкл, мой брат!

– Тот, что на яхте ходит?

Майкл рассмеялся.

– Да, я.

– Только скажи, что ты у нас останешься, – сказала Сара.

– Всего на пару дней.

Она покачала головой и вздохнула:

– Наверное, надо принять это как должное.

Она вцепилась в его руку так, будто он мог прямо сейчас ускользнуть от нее.

– Освобожусь через час. *Никуда* не уходи, понял? Я серьезно, Майкл, знаю я тебя.

Он дождался ее, и они вместе пошли домой. Как это странно, быть снова на суше, с этой непривычной неподвижностью того, что под ногами. После трех лет, которые он провел по большей части в одиночестве, шум большого количества людей был ему будто наждаком по коже. Майкл изо всех сил старался скрыть свое возбуждение, надеясь, что оно пройдет, но задумался, не повлекло ли его пребывание в море некой фундаментальной перемены в его характере, такой, что больше не позволит ему жить среди людей.

Увидев, насколько переменилась Кейт, он ощутил чувство вины. Малышка исчезла, даже кудри распрямились. Они играли в палочку-выручалочку с ней и Холлисом, пока Сара готовила ужин. Когда они поели, Майкл пошел укладывать ее спать, чтобы рассказать сказку. Не из книги, Кейт потребовала, чтобы это было нечто из реальной жизни, сказка о его приключениях в море.

Он выбрал историю с китом. Это произошло где-то полгода назад, далеко за пределами Залива. Была поздняя ночь, море успокоилось и блестело в свете полной луны, и тут вдруг его яхта начала подниматься, так, будто поднялась сама поверхность моря. По левому борту появилась огромная темная выпуклость. Поначалу Майкл не понял, что это. Он читал про китов, но никогда их не видел, и его знание размеров этих созданий было теоретическим; на самом деле он даже не очень в них верил. Как может живое существо быть настолько огромным? Кит медленно поднялся на поверхность, и из его головы вырвалась струя воды. Животное неторопливо повернулось на бок, и в воздухе показался один из его огромных плавников. Его бока, черные и блестящие, были покрыты бородавками. Майкл был слишком изумлен, чтобы

испугаться. Лишь позднее он понял, что одного взмаха хвостом было бы достаточно, чтобы разнести его яхту в щепки.

Кейт смотрела на него, широко открыв глаза.

– И что случилось?

– Ну, – продолжил Майкл, – смешно это было.

Он думал, что кит поплывет дальше, но нет. Животное почти час плыло рядом с «Наутилусом». Иногда оно опускало свою огромную голову под воду, но лишь для того, чтобы спустя несколько секунд снова поднять ее и выпустить струю воды, будто высморкаться. А затем, когда зашла луна, оно погрузилось в глубину и более не появлялось. Майкл ждал. Куда же оно делось? Прошло несколько минут, и он уже расслабился, когда вода по правому борту будто взорвалась. Кит выскочил из воды, выбросив в воздух свое огромное тело. Будто город в небо улетел. *Видишь, на что я способен? Не шали со мной, братец.* Кит обрушился в воду, и поток воды отбросил Майкла к другому борту, промочив до нитки. Больше он кита не видел.

Кейт улыбалась.

– Я поняла. Он над тобой подшутил.

Майкл рассмеялся:

– Наверное, да.

Он поцеловал ее и пожелал спокойной ночи, а затем вернулся в гостиную, где Сара и Холлис убирали последние тарелки. Электричество уже выключили на ночь, и на столе, мерцая, горели две свечи, от которых поднимались струйки маслянистого дыма.

– Какой она чудесный ребенок.

– Благодари Холлиса, – ответила Сара. – Я так занята в больнице, что едва с ней вижусь.

Холлис ухмыльнулся:

– Уж точно.

– Надеюсь, матраса на полу тебе хватит, – сказала Сара. – Знала бы, что ты придешь, взяла бы койку из больницы.

– Шутишь? Я обычно вообще сплю сидя. Если вообще сплю на самом деле.

Сара принялась вытирать плиту тряпкой. Немного сильнее, чем надо, Майкл ощущал ее недовольство. Старая история.

– Знаешь, тебе незачем обо мне беспокоиться, – сказал он. – У меня всё нормально.

Сара резко выдохнула.

– Холлис, ты с ним поговори. У меня не получится, как обычно.

Холлис недоуменно пожал плечами:

– И что ты хочешь, чтобы я сказал?

– Как насчет «Есть люди, которые тебя любят, перестань искать себе смерти».

– Всё не так, – ответил Майкл.

– Сара пытается сказать, что все мы надеемся, что ты будешь осторожен, – перебил его Холлис.

– Нет, я вовсе не это пытаюсь сказать, – сказала Сара и поглядела на Майкла. – Дело в Лоре? В этом причина?

– Лора к этому никакого отношения не имеет.

– Тогда расскажи, поскольку я правда пытаюсь понять тебя, Майкл.

И как же ему объяснить всё это? Его мотивы настолько переплетены друг с другом, что их трудно изложить внятно.

– Просто мне это кажется правильным. Это всё, что я могу сказать.

Сара снова взялась с остервенением тереть плиту.

– Значит, тебе *кажется* правильным, что ты меня до смерти пугаешь.

Майкл протянул к ней руку, но она отмахнулась.

– Сара…

– Не надо.

Она даже не посмотрела на него.

– Не надо говорить мне, что это нормально. Не надо говорить мне, что все это нормально. Проклятье, говорила я себе, что не стоит этого делать. Мне вставать рано.

Холлис подошел к ней сзади. Положил ладонь на плечо, аккуратно остановил руку Сары и забрал у нее тряпку.

– Мы уже говорили об этом. Тебе надо позволить ему быть собой.

– Только послушайте. Ты, наверное, считаешь, что это здорово.

Сара начала плакать. Холлис развернул ее и притянул к себе, обнимая. Посмотрел на Майкла поверх ее плеча. Тот смущенно стоял у стола.

– Она просто устала, вот и всё. Может, оставишь нас наедине?

– Ага, хорошо.

– Спасибо, Майкл. Ключ прямо у двери.

Майкл вышел из квартиры, а затем и из дома. Идти было некуда, и он сел на землю у входа, в сторонке, где никто его не побеспокоит. Давно он себя так хреново не чувствовал. Сара всегда за всех беспокоилась, но ему не хотелось доводить ее, это была одна из причин того, что он так редко появлялся в городе. Он бы с удовольствием чем-нибудь ее порадовал – нашел бы на ком жениться, остепенился, работал бы, как все, детей завел. Его сестра заслужила спокойствие, хоть какое-то, после всего, что ей довелось сделать, когда пришлось присматривать за ним. Когда умерли родители, она сама еще ребенком была. Всё, что они говорили и делали, шло под знаком этого невысказанного горя. Если бы всё сложилось иначе, наверное, они были бы просто братом и сестрой, как все, их значимость друг для друга слабела бы со временем, по мере того как они бы встречали новых людей. Но им не было суждено так жить. Пусть в их жизни и появлялись новые люди, но в их сердцах всегда оставалось место, открытое лишь для них двоих.

Подождав, как ему казалось, подобающее время, он вернулся в квартиру. Свечи уже потушили, Сара положила ему на пол матрас с подушкой. Раздевшись в темноте, Майкл лег. И лишь тогда заметил записку, которую Сара сунула ему в мешок. Зажег свечу и принялся читать:

«Прости. Я люблю тебя. Будь настороже. С.».

Всего три предложения, но это было всё, в чем он нуждался. Всё те же три фразы, которые они говорили друг другу каждый день их жизни.

Он проснулся и увидел лицо Кейт в нескольких дюймах от своего.

– Дядя Майкл… *вставай.*

Он приподнялся, опершись на локти. Холлис стоял у двери.

– Извини, я ей говорил тебя не беспокоить.

Майкл тут же собрался с мыслями. Обычно он так много не спал. Привык вообще почти не спать.

– Сара еще тут?

– Несколько часов как ушла.

Холлис поманил к себе дочь.

– Пойдем… мы точно опоздаем.

Кейт закатила глаза:

– Папа Сестер боится.

– Твой папа умный человек. У меня у самого от этих дам живот скручивает.

– Майкл, это не в тему, – сказал Холлис.

– Ладно.

Он посмотрел на девочку.

– Слушайся папу, милая.

К его удивлению, Кейт вдруг крепко обняла его.

– Ты здесь будешь, когда я вернусь?

– Совершенно точно.

Он слушал их удаляющиеся шаги по лестнице. Значит, ты на ребенка это свалила. Чистейший шантаж, на эмоциях, но что тут поделаешь? Он оделся, подошел к рукомойнику и умылся. Сара оставила ему роллов позавтракать, но есть не хотелось, на самом деле. Поест попозже, если потребуется, если вообще захочется.

Схватив свой мешок, он вышел.

Сара заканчивала утренний обход, когда к ней подбежала одна из медсестер. Повела ее в приемный покой, где у стола стояла Сестра Пег.

– Здравствуйте, Сестра.

Сестра Пег была из тех людей, одно появление которых меняет всё. Будто все винты затягиваются. Ее возраст был загадкой для всех – шестьдесят, не меньше, хотя говорили, что она и в двадцать так же выглядела. Человек, о чьей вздорности ходили легенды, однако Сара знала, что это не так. Знала, что под жесткой внешностью скрывается женщина, целиком и полностью посвятившая себя детям, которых ей вверили.

– Могу я с вами поговорить, Сара?

Спустя считаные секунды они уже шли в приют. Когда они подошли, Сара услышала крики и улюлюканье детей. Утренняя перемена в самом разгаре. Они вошли в ворота со стороны сада.

– Доктор Сара, доктор Сара!

Сара не прошла и пяти шагов по площадке для игр, когда дети окружили ее. Они все ее хорошо знали, но, отчасти, как она понимала, они были рады любому посетителю. Освободившись от объятий с обещаниями в следующий раз задержаться подольше, она вошла внутрь вместе с Сестрой Пег.

За столом, который Сара обычно использовала, проводя осмотр, сидела девочка. Она вскинула взгляд, когда вошла Сара. Лет двенадцать-тринадцать, трудно сказать из-за покрывающих ее слоев грязи. Грязная накидка из мешковины, завязанная на одном плече, босые ноги, черные от грязи и покрытые струпьями.

– Ее привели люди из Внутренней Службы вчера ночью, – сказала Сестра Пег. – Она с тех пор ни слова не сказала.

Девочку поймали, когда она пыталась залезть на склад сельхозпродукции. Понятно почему. Голодная.

– Здравствуй, я доктор Сара. Можешь назвать мне свое имя?

Девочка напряженно поглядела на Сару из-под грязной челки и не ответила. Ее глаза, единственная часть ее тела, которая двигалась, бросили настороженный взгляд на Сестру Пег, а потом снова поглядели на Сару.

– Мы пытаемся выяснить, кто ее родители, – сказала Сестра Пег. – Но нигде нет записей, чтобы кто-то искал ее.

Сара поняла, что им и неоткуда взяться. И достала из сумки стетоскоп. Показала его девочке.

– Я хочу послушать твое сердце, ты не против?

Опять ни слова, но глаза девочки ответили, что она разрешает. Сара приспустила завязанный край накидки с ее плеча. Тощая, как тростиночка, груди едва начали оформляться. От прикосновения холодного металлического диска девочка слегка вздрогнула, и только.

– Сара, только посмотрите на это.

Сестра Пег в изумлении глядела на спину девочки. Кожа была покрыта ожогами и полосами от ударов кнутом. Некоторые уже зажили, другие еще кровоточили. Саре уже доводилось такое видеть, но привыкнуть к этому она не могла.

Она посмотрела на девочку.

– Милая, можешь сказать, кто с тобой это сделал?

– Мне кажется, она говорить не может, – сказала Сестра Пег.

Сара начала осознавать ситуацию. Девочка позволила ей взять себя за подбородок, и Сара поднесла другую руку к ее правому уху. Три раза щелкнула пальцами, но девочка не реагировала. Сара поменяла руки и проверила другое ухо. Ничего. Посмотрев девочке в глаза, Сара показала на свое ухо и медленно покачала головой. Девочка кивнула.

– Потому что она глухая.

И тут случилось нечто неожиданное. Девочка потянула руку к ладони Сары и начала рисовать на ней указательным пальцем. Не линии, поняла Сара, буквы. П. И. М.

– Пим, – сказала Сара. Глянула на Сестру Пег, потом снова на девочку. – Пим – твое имя?

Девочка кивнула. Сара взяла в руку ладонь девочки и написала на ней пальцем САРА. Показала на себя.

– Сара.

Оглянулась на Сестру Пег.

– Сестра, не принесете что-нибудь, на чем писать можно?

Сестра Пег вышла и спустя несколько секунд вернулась с небольшой доской и куском мела, такими, какими пользовались на уроках дети.

– ГДЕ ТВОИ РОДИТЕЛИ? – написала Сара.

Пим взяла доску в руки. Стерла слова Сары ладонью и неловко зажала мел в кулаке.

– УМИРЛИ.

– КОГДА?

– МАМА ПОТОМ ПАПА ДОВНО.

– КТО ТЕБЯ БИЛ?

– МУЖЧИНА.

– ЧТО ЗА МУЖЧИНА?

– НЕ ЗНАЮ УБЕЖАЛА

Следующий вопрос Саре было очень больно задавать, но она должна была это сделать.

– ОН СДЕЛАЛ ТЕБЕ БОЛЬНО ЕЩЕ ГДЕ-НИБУДЬ?

Девочка задумалась, а потом кивнула. У Сары упало сердце.

– ГДЕ?

Пим взяла доску в руку.

– ЖЕНСКОЕ МЕСТО.

Не сводя глаз с девочки, Сара обратилась к Сестре Пег:

– Сестра, не можете нас оставить ненадолго?

Когда Сестра вышла, Сара взяла в руку доску.

– БОЛЬШЕ ОДНОГО РАЗА?

Девочка кивнула.

– НАДО ПОСМОТРЕТЬ. Я АККУРАТНО.

Пим окаменела всем телом и резко дернула головой.

– ПРОШУ, – написала Сара. – ДОЛЖНА ПРОВЕРИТЬ, ЧТО ТЫ В ПОРЯДКЕ.

Пим схватила доску и начала быстро писать.

– САМА ВИНАВАТА ОБИЩАЛА НЕ ГОВОРИТЬ.

– ТЫ НИ В ЧЕМ НЕ ВИНОВАТА.

– ПИМ ПЛОХАЯ.

Сара сама не знала, расплачется она сейчас или ее стошнит. В своей жизни она видела разное – и очень плохое тоже, и не только в Хоумленде. Невозможно работать в больнице и не столкнуться с худшими проявлениями человеческой природы. Женщина со сломанным запястьем, сказавшая, что упала с лестницы, повторяющая это, как заведенная, и ее муж, внимательно следящий за ней. Старик в крайней степени истощения, которого подбросили к дверям больницы его родственники. Одна из шлюх Данка, с телом, истерзанным болезнями и побоями, с пачкой «остинов» в кулаке, которые она готова была отдать, чтобы избавиться от ребенка, которого она носила, чтобы снова вернуться к своей «работе». Приходилось лишь крепиться, иначе и одного дня не выдержишь, но с детьми всегда было тяжелее всего. Детьми, от которых не можешь отвернуться. В случае с Пим понять случившееся было несложно. Родители умерли, кто-то предложил девочке приютить ее, родственник, сосед, человек, которого все считают добрым и щедрым, раз он решил взять ответственность за сироту, которая не слышит и не говорит, а потом никому и в голову не приходило проверять, что с ней дальше стало.

– Нет, милая, нет, – сказала Сара, взяв Пим за руки и поглядев ей в глаза. За ними скрывалась душа, юная, перепуганная, отвергнутая миром. Не было в мире человека более одинокого, и Сара поняла, что она должна сделать. Просто, чтобы остаться человеком.

Всего не знал даже Холлис. Не то чтобы Сара побоялась ему рассказать, она хорошо его знала. Однако молчание было выбором, который она сделала очень давно. В Хоумленде говорили, что всякому его черед придет, и было ясно, что пришел черед Сары. Она старалась терпеть, как только могла, а когда всё кончилось, представила себе стальной ящик с крепким замком. Взяла память о случившемся и убрала туда.

Сара взяла доску в руку.

– МНЕ ТОЖЕ КОГДА-ТО ТАК БОЛЬНО СДЕЛАЛИ.

Девочка смотрела на доску всё так же настороженно. Прошло секунд десять, не меньше.

– СЕКРЕТ?

– ТЫ ЕДИНСТВЕННАЯ, КОМУ Я СКАЗАЛА.

Лицо девочки переменилось. Ее начало отпускать.

– МЫ ОДИНАКОВЫ, – написала Сара. – САРА ХОРОШАЯ. ПИМ ХОРОШАЯ. МЫ НЕ ВИНОВАТЫ.

Глаза девочки стали влажными от слез. Одна слеза перекатилась через нижнее веко и потекла по щеке, прорезая полоску в слое грязи. Девочка сжала губы, мышцы на шее и челюсти напряглись, а потом задрожали. В комнате раздался странный звук, будто животное рычание. Будто что-то пыталось вырваться из нее наружу.

И вырвалось. Девочка открыла рот и завыла нечеловеческим голосом, одна сплошная гласная, наполненная болью. Сара крепко обняла ее. Пим подвывала, дрожа и пытаясь вырваться, но Сара ей не дала этого сделать.

– Всё хорошо, – сказала она. – Я не отпущу тебя, не отпущу.

И она держала ее, пока девочка не затихла. И еще очень долго после.

9

Правительственное здание, в котором когда-то располагался Первый Техасский Трастовый Банк, чье название так и осталось выгравированным на сделанном из известняка фризе, располагалось недалеко от школы. В вестибюле висели указатели с названиями отделов: Управление Жилищного Фонда, Управление Здравоохранения, Управление Сельского Хозяйства и Бизнеса, Отдел Печати. Кабинет Санчес находился на втором этаже. Питер поднялся по лестнице и вышел в холл второго этажа, где за столом сидел офицер Внутренней Службы в неестественно чистой форме. Питер внезапно почувствовал себя неловко в потрепанной рабочей одежде и с мешком в руке, внутри которого брякали инструменты и гвозди.

– Чем могу помочь?

– Я должен увидеться с Президентом Санчес. Меня пригласили.

– Имя? – спросил офицер, опуская глаза и начиная заполнять какой-то бланк.

– Питер Джексон.

Лицо мужчины просияло.

– Вы Джексон?

Питер коротко кивнул.

– Вот те на!

Офицер смущенно поглядел на него. Уже давненько Питер не сталкивался с подобной реакцией. С другой стороны, он сейчас вообще редко с незнакомыми виделся. Вообще не виделся, если честно.

– Может, вы кому-нибудь доложите? – наконец сказал Питер.

– Точно.

Офицер вскочил.

– Секунду. Я им скажу, что вы здесь.

Питер обратил внимание на слово «им». Кто же еще приглашен на встречу? Если уж на то пошло, зачем он вообще здесь? Он часами размышлял над приглашением президента, но не пришел ни к какому выводу. Может, действительно, как Калеб сказал, они *действительно* решили позвать его обратно в армию? Если так, то разговор у них будет недолгий.

– Вы можете пройти прямо сейчас, мистер Джексон.

Офицер взял у Питера сумку с инструментом и повел его по длинному коридору. Дверь в кабинет Санчес была открыта. Президент встала из-за стола, как только Питер вошел. Невысокая женщина с почти полностью седыми волосами, резкими чертами лица и жестким взглядом. Второй человек в кабинете, мужчина с короткой щетинистой бородой, сидел напротив нее. Лицо знакомое, но Питер не мог вспомнить, кто он.

– Рада вас видеть, мистер Джексон, – сказала Санчес, обходя стол и протягивая руку.

– Мадам Президент. Это честь для меня.

– Увольте, просто Вики, – сказала она. – Позвольте представить вам Форда Чейза, главу администрации.

– Мне кажется, мы знакомы, мистер Джексон.

И тут Питер вспомнил. Чейз присутствовал на том допросе после взрыва моста на Нефтяной Дороге. Воспоминания были неприятными. Тогда ему этот человек сразу не понравился. К пущему неудовольствию Питера, мужчина носил галстук, самый несуразный элемент одежды во всей истории человечества.

– С генералом Апгаром вы, безусловно, знакомы, – сказала Санчес.

Питер повернулся и увидел своего бывшего командира, который встал с дивана. Гуннар немного постарел, его коротко стриженные волосы стали седыми, а нахмуренный лоб стал еще более нахмуренным. Застегнутый на все пуговицы мундир был чуть натянут на животе от образовавшегося брюшка. Питеру очень захотелось отдать честь, но он сдержался, и они просто пожали друг другу руки.

– Поздравляю с повышением, сэр.

Никого из тех, кто служил под началом Апгара, не удивило, когда после отставки Флита Гуннара назначили Генералом Армии.

– Каждый день об этом жалею. Скажи, как твой мальчишка?

– У него всё хорошо, сэр. Спасибо, что спросили.

– Если бы я хотел, чтобы ты и дальше называл меня «сэр», я бы твою отставку не принял. О чем я жалею ничуть не меньше, кстати. Надо было быть поупорнее.

Питеру нравился Гуннар, и его присутствие его несколько успокоило.

– Вряд ли это бы вам помогло.

Санчес подвела их к небольшой гостиной зоне, где вокруг низкого стола с каменной столешницей стояли диван и два кожаных кресла. На столе лежал длинный рулон бумаги. Питер наконец-то получил шанс осмотреться. Окно без штор, книжный шкаф во всю стену, потертый рабочий стол с кипами бумаг на нем. Позади него – флагшток с флагом Техаса, единственный предмет, обозначающий значимость этого кабинета. Питер сел в кресло напротив Санчес. Апгар и Чейз сели сбоку.

– Начнем, мистер Джексон, – заговорила Санчес. – Уверена, вы недоумеваете, зачем я попросила вас прийти ко мне. Я хотела бы попросить вас об одолжении. Чтобы ввести вас в курс дела, позвольте вам кое-что показать. Форд?

Чейз развернул рулон бумаги и прижал грузами по краям. Топографическая карта, в центре – Кервилл, его стены и прилегающие районы прорисованы четко. Три больших района к западу, вдоль Гваделупе, заштрихованные и обозначенные буквами РП1, РП2 и РП3.

– Рискую выразиться помпезно, но перед вами будущее Техасской Республики, – сказала Санчес.

– РП означает «район поселений», – объяснил Чейз.

– Это наиболее логичные для заселения районы, куда мы можем переместить население, по крайней мере для начала. Вода, орошаемые земли, хорошие пастбища. Мы будем действовать поэтапно, среди желающих переселиться будет проведена жеребьевка.

– Поскольку таковых будет немало, – добавил Чейз.

Питер поднял взгляд. Все смотрели на него, ожидая его реакции.

– Непохоже, что вам это нравится, – сказала Санчес.

Питер попытался подобрать нужные слова.

– Наверное… наверное, я никогда и не думал, что такой день наступит.

– Война окончена, – сказал Апгар. – Три года – ни одного Зараженного. За это мы и сражались все эти годы.

Санчес подалась вперед. Было в ней что-то невероятно привлекательное, притягательная сила, которую нельзя не заметить. Питер слышал, что в молодости она была красавицей с очередью из женихов в милю длиной, но ощутить это на себе – совсем другое дело.

– Вы останетесь в истории, Питер, за всё то, что вы сделали.

– Я сделал это не в одиночку.

– И это я знаю. Есть многие, кого следует хвалить вместе с вами. Выражаю сожаление относительно ваших друзей. Капитан Донадио – большая потеря для всех нас. И, конечно же, Эми…

Санчес помолчала.

– Буду с вами честна. Всё, что про нее рассказывают, – я даже не знаю, во что верить. И не уверена, что до конца понимаю, что произошло. Но точно знаю, что ни один из нас не участвовал бы в нынешнем разговоре, если бы не Эми и вы. Вы тот, кто привел ее к нам. Это знают все. И это придает вам большую важность. Можно сказать, нет другого такого, как вы.

Она не сводила глаз с его лица, создавая ощущение, будто в комнате лишь они двое.

– Скажите, нравится ли вам работать в Жилищном Фонде?

– Вполне.

– Это дает вам возможность растить вашего мальчика. Быть рядом с ним.

Питер ощутил в ее словах заранее спланированную стратегию. Кивнул.

– У меня не было детей, – с еле заметным сожалением сказала Санчес. – Цена работы в правительстве. Но я понимаю ваши чувства. Так что скажу прямо, что принимаю во внимание ваши приоритеты, и ничего из того, что я предлагаю, не будет им препятствием. Вы будете вместе с ним, точно так же, как и сейчас.

Питер всегда чувствовал, когда говорят полуправду. С другой стороны, подход Санчес был столь деликатен, что оставалось лишь восхититься им.

– Я слушаю.

И он сам чуть не рассмеялся от своих слов.

– Простите, мадам Президент…

– Прошу вас, просто Вики, – с улыбкой перебила его женщина.

Надо признать, мастерски она это делает.

– Тут столько несоответствий, что я даже не знаю, с чего начать. Для начала, я не политик.

– А я и не прошу вас им становиться. Тем не менее вы лидер, и люди это знают. Вы слишком ценны, чтобы позволить вам отсиживаться в сторонке. Открывая ворота, мы не просто обретаем больше места, хотя нам оно и сурово необходимо. Это фундаментальная перемена во всём, чем мы занимаемся и как. Предстоит заново создать многое, но для начала в течение ближайших девяноста дней я планирую отменить законы военного времени. Экспедиционный Отряд будет отозван с внешних территорий, чтобы военные помогали переселенцам, и мы совершим переход к чисто гражданской власти. Это будет большой переменой – дать каждому возможность принимать участие в управлении, и это будет сложно. Но это обязательно должно произойти, сейчас самый подходящий момент для этого.

– При всем уважении, я совершенно не понимаю, какое отношение это имеет ко мне.

– Это имеет к вам самое непосредственное отношение. По крайней мере, я надеюсь на это. Ваше положение уникально. Вас уважают военные. Вас любят люди, особенно переселенцы из Айовы. Но это лишь две ножки треножника. Третья – цеховики. Для них это просто праздник будет. Может, Тифти Лэмонт и мертв, но ваши прежние отношения с ним дают вам доступ в их иерархию. Прекратить их деятельность мы не сможем, даже если попытаемся. Пороки есть часть жизни – уродливая, но часть. Вы же знакомы с Данком Уизерсом?

– Мы встречались, – сказал Питер, кивнув.

– Более чем встречались, если меня правильно информировали мои источники. Я слышала про клетку. Это был очень рисковый ход.

Она упомянула о том, как Питер только повстречался с Тифти в его подземном убежище в северной части Сан-Антонио. В качестве катарсиса и развлекательного мероприятия главы отрядов гангстеров выходили на рукопашный бой с Зараженными, а зрители делали ставки. Данк отправился в клетку первым и разделался с нариком относительно легко. Следом пошел Питер, который выбрал себе в противники полноценного драка, чтобы выбить у Тифти согласие отправиться с ним в Айову.

– Тогда это было необходимо.

Санчес улыбнулась:

– И я о том. Вы человек, который делает то, что должно быть сделано. Что же до Данка, он, конечно, и вполовину не настолько умен, как Лэмонт. Хотела бы я, чтобы он был с нами. Наше соглашение с Лэмонтом было простым. Ему достался один из лучших сохранившихся военных складов, какие мы за все годы видели. Без него мы не смогли бы нормально вооружить армию. Держи под контролем самые худшие из ваших дел, сказали мы ему, поставляй нам оружие и боеприпасы, и мы не будем мешать тебе заниматься твоими делами. Он понимал, что в этом есть смысл, но я сомневаюсь, что Данк это понимает. Он чистейший оппортунист, да и с червоточинкой.

– Так почему вам его попросту в тюрьму не посадить?

Санчес пожала плечами:

– Мы можем, и, может статься, к этому придет. Генерал Апгар считает, что нам следует окружить бóльшую их часть, захватить бункер и игорные залы и положить этому конец. Но чернила высохнуть не успеют, как на его место придет кто-то другой, и мы снова там, где начали. Это вопрос спроса и предложения. Спрос останется. Кто обеспечит предложение? Игра в карты, бухло, проститутки? Мне всё это не нравится, но я предпочитаю иметь дело с известными факторами, а в настоящее время это Данк.

– Значит, вы хотите, чтобы я поговорил с ним.

– Да, в свое время. Важно держать подпольный бизнес в рамках. Также важно заручиться полной поддержкой военных и гражданских в процессе. Вы единственный человек, который имеет опыт работы со всеми. Черт, вы бы, наверное, вполне справились с моей работой, если бы захотели, хотя я бы такого злейшему врагу не пожелала.

У Питера возникло ощущение, что он уже наполовину согласен на нечто, что ему предлагают. Он поглядел на Апгара. *Поверь, и со мной такое бывало*, было написано на лице Гуннара.

– О чем именно вы просите?

– Пока что я хотела бы назначить вас особым советником. Посредником между заинтересованными сторонами, если вам угодно. Какой-то особый титул мы можем придумать и позднее. Но я хочу, чтобы вы были на переднем крае, чтобы вас все видели. Ваш голос – то, что люди должны слышать в первую очередь. И обещаю вам, что каждый день вечером вы будете дома ужинать с вашим мальчиком.

Искушение было столь сильно. Больше не надо будет каждый день потеть, стуча молотком. Но он чувствовал усталость. Не осталось в нем энергии, совершенно необходимой для такого. Он уже достаточно сделал и теперь желал спокойной и простой жизни. Отводить мальчишку в школу, весь день честно трудиться, укладывать мальчишку спать, а самому проводить эти восемь счастливых часов в совершенно ином мире. Там, где он был счастлив по-настоящему.

– Нет.

Санчес дернулась. Она не привыкла, чтобы ей так напрямую отказывали.

– Нет?

– Именно. Это мой ответ.

– Наверняка я могу предложить что-то, что заставит вас передумать.

– Польщен, но пусть этим займется кто-то другой. Извините.

Санчес не выглядела разозленной, лишь озадаченной.

– Понимаю.

На ее лице снова появилась обезоруживающая улыбка.

– Что ж, я должна была спросить.

Она встала, следом встали и все остальные. Теперь настала очередь Питера удивляться. Он ожидал, что она будет упорнее. У двери она пожала ему руку, прощаясь.

– Благодарю, что нашли время встретиться со мной, Питер. Предложение остается в силе, и я надеюсь, что вы передумаете. Вы можете принести много пользы. Пообещайте мне, что подумаете над этим.

Наверное, нет ничего плохого, чтобы согласиться, подумал Питер.

– Хорошо, обязательно.

– Генерал Апгар вас проводит.

Так вот в чем дело. Питер ощутил легкое удивление и, как всегда, когда закрывается дверь, задумался, правильный ли выбор он сделал.

– И, Питер, еще одно, – сказала Санчес.

Питер развернулся в дверях. Женщина уже вернулась за стол.

– Хотела спросить. Сколько лет вашему мальчику?

Безобидный вопрос на первый взгляд.

– Ему десять.

– Его Калеб зовут, да?

Питер кивнул.

– Чудесный возраст. Перед ним вся жизнь. Если задуматься, ведь всё, что мы делаем, мы делаем ради детей, не так ли? Пройдет много лет, нас не станет, но наши решения, которые мы примем в ближайшие месяцы, определят, в каком мире им жить.

Она улыбнулась.

– Что ж. Это вам пища для размышлений, мистер Джексон. Еще раз благодарю, что пришли.

Питер вышел следом за Гуннаром. На полпути по коридору Питер услышал, как тот тихонько усмехнулся.

– Хороша она, а?

– Ага, – согласился Питер. – Очень хороша.

10

У Майкла в мешке было три вещи. Первая – газета. Второй вещью было письмо.

Он нашел его в нагрудном кармане формы капитана. Конверт не был надписан, его не собирались отправлять. Письмо, неполная страница, было написано на английском.

Мой дорогой мальчик.

Я знаю, что ты и я никогда в этой жизни не встретимся. Топливо на исходе, последняя надежда дойти до убежища пропала. Прошлой ночью команда и пассажиры устроили голосование. Решение было принято единогласно. Никто не хочет умирать от жажды. Сегодня мы провели последний день на этой земле. Упокоившись в усыпальнице из стали, мы будем дрейфовать, несомые течениями, пока Господь всемогущий не смилостивится и не отправит нас на дно.

Конечно же, у меня нет никакой надежды на то, что эти мои последние слова когда-нибудь достигнут тебя. Могу лишь молиться о том, чтобы погибель миновала тебя и твою мать и вы выжили. Что же ждет меня теперь? В священном Коране сказано: «Все чудеса земные и небесные во власти Аллаха всемогущего. И решение в Судный Час быстро, как мгновение ока, и даже быстрее, ибо Аллах имеет власть надо всем сущим». Мы во власти Его, и к Нему возвращаемся. Вопреки всему тому, что произошло, я верую, что моя бессмертная душа пребудет в Его руках и что, когда мы наконец встретимся, это случится в раю.

Последнее, о чем я думаю в своей жизни, – о тебе. Барака аллаху фика.

Твой любящий отец

Набиль

Майкл обдумывал эти слова, пока шел по улицам Эйчтауна. К запущенности и разрухе он привык, ему доводилось бывать в разрушенных городах, где на улицах лежали тысячи скелетов. Но никогда мертвецы не говорили с ним напрямую. В каюте капитана он нашел паспорт. Полное имя – Набиль Хаддад. Родился в 1971 году в Нидерландах, в городе под названием Утрехт. Майкл не нашел в каюте никаких других свидетельств о его сыне – ни фотографий, ни других писем, но в паспорте в качестве человека, с которым следовало связаться в чрезвычайной ситуации, была указана женщина по имени Астрид Кибле и адрес в Лондоне. Возможно, это мать ребенка. Что же случилось в жизни этих трех людей, думал Майкл, отчего капитан никогда не видел своего сына. Возможно, его мать не позволяла, возможно, мужчина казался себе недостойным по какой-либо причине. Однако он ощутил потребность написать сыну письмо, зная, что через несколько часов будет мертв и что это письмо не уйдет дальше его кармана.

Но это не всё, о чем сказало Майклу письмо. «Бергенсфьорд» куда-то шел. У судна был пункт назначения. Не «найти убежище», а «дойти до убежища». Безопасное место, там, где вирус не доберется до них.

В результате в мешке лежала третья вещь, и Майклу был нужен человек, которого называли Маэстро.

Если у него и было настоящее имя, Майкл не знал его. Кроме того, Маэстро имел привычку разговаривать несвязными фразами, всегда говоря о себе в третьем лице. К этому привыкнешь не сразу. Очень старый, жилистый и резко двигающийся, больше похожий на огромную крысу. Когда-то он был инженером-электриком в Гражданском Управлении, но давно вышел на пенсию и стал известным во всем Кервилле старьевщиком по части всяких электроприборов. Безумный донельзя, сущий параноик, но он знал, как заставить старый жесткий диск открыть свои тайны.

Мимо сарая Маэстро было не пройти – это было единственное здание в Эйчтауне с солнечными батареями на крыше. Майкл громко постучал и сделал шаг назад, став в поле зрения камеры. Маэстро внимательно разглядывал пришедшего, прежде чем впустить. Прошла секунда, и послышались щелчки нескольких прочных замков.

– Майкл, – сказал Маэстро, слегка приоткрыв дверь. На нем был рабочий фартук, на лбу – пластиковый визор с откидными линзами.

– Привет, Маэстро.

Мужчина быстро оглядел улицу.

– Быстрее, – сказал он, махнув Майклу рукой.

Внутри сарай был похож на музей. Старые компьютеры, офисное оборудование, осциллографы, плоские экраны, огромные корзины с наладонниками и мобильниками. От такого количества электроники Майкл всегда приходил в радостное возбуждение.

– И чем тебе может помочь Маэстро?

– У меня для тебя антиквариат.

Майкл достал из мешка третью вещь. Старик взял ее в руку и быстро оглядел.

– «Дженсис 872HJS». Четвертое поколение, три терабайта. Перед самой войной делали.

Он поднял взгляд.

– Откуда?

– Нашел на старом корабле. Мне надо вытащить с него файлы.

– Это надо посмотреть.

Майкл пошел следом за ним к одному из верстаков. Маэстро положил жесткий диск на тряпочную подушку и опустил линзы визора. Взяв в руку крохотную отвертку, снял крышку корпуса и принялся разглядывать детали внутри.

– Повреждение от влажности. Не здорово.

– Сможешь починить?

– Трудно. Дорого.

Майкл достал из кармана пачку «остинов». Старик пересчитал купюры прямо на верстаке.

– Мало.

– Всё, что есть.

– Маэстро сомневается. У такого нефтяника, как ты?

– Я уже не работаю.

Старик принялся разглядывать лицо Майкла.

– А, Маэстро вспомнил. Слышал несколько безумных историй. Это правда?

– Зависит от того, что ты слышал.

– Ищешь барьер. Ходишь в море один.

– Более-менее.

Старик поджал жесткие губы, а затем убрал деньги в карман фартука.

– Маэстро поглядит, что можно сделать. Приходи завтра.

Майкл вернулся в квартиру. До этого он побывал в библиотеке, и теперь в его мешке лежала толстая книга. «Большой Атлас Мира» от «Ридерс Дайджест». Такие книги на дом не

выдавали, и Майкл просто дождался, пока библиотекарь отвлечется, спрятал книгу в мешок и тайком вышел.

Как всегда, от него потребовали сказку на ночь. На этот раз сказка была про шторм. Кейт слушала в напряженном возбуждении, так, будто рассказ мог закончиться тем, что он утонул в море, несмотря на то, что он сидел рядом с ней, живой и здоровый. Вчерашний разговор с Сарой продолжения не имел. Так уж они привыкли. Больше всего можно было сказать, ничего не говоря. А еще Сара выглядела задумчивой. Майкл решил, что в больнице что-то произошло, и опять же не стал расспрашивать.

Наутро он ушел прежде, чем кто-то проснулся. Старик ждал его.

– Маэстро сделал это, – объявил он.

Он подвел Майкла к монитору, электронно-лучевому. Пальцы забегали по клавиатуре. На экране засветилось изображение карты.

– Корабль. Где?

– Я нашел его в бухте Галвестон, у входа в судоходный канал.

– Далековато забрался.

Маэстро начал объяснять Майклу смысл добытой информации. Выйдя из Гонконга в середине марта, «Бергенсфьорд» отправился к Гавайским островам, а потом прошел Панамский канал и вышел в Атлантический океан. Согласно дате, которую Майкл узнал, прочтя газету, это произошло еще до распространения Пасхального Вируса. Они дошли до Канарских островов, возможно, чтобы пополнить запасы топлива, а затем пошли дальше на север.

С этого момента информация о движении корабля изменилась. Он ходил кругами у побережья Северной Европы. Потом ненадолго отошел от маршрута, дойдя до Гибралтара, развернулся, не войдя в Средиземное море, и вернулся к Тенерифе. Несколько недель стоянки, затем они снова вышли в море. Прошли через Магелланов пролив и пошли на север, к экватору.

И тут корабль остановился посреди океана. Две недели стоял без движения. Затем информация о курсе кончилась.

– Мы можем сделать из этого вывод, куда они шли? – спросил Майкл.

На экране снова появилась информация, прокладываемый курс, как объяснил Маэстро. Пролистал страницу и показал Майклу на последний пункт.

– Сможешь мне это сбросить? – спросил Майкл.

– Уже сделано.

Старик достал из кармана фартука флешку. Майкл положил ее в свой карман.

– Маэстро любопытно. Почему это так важно?

– Подумываю в отпуск отправиться.

– Маэстро уже проверял. Открытый океан. Нет ничего.

Его седые брови приподнялись.

– Или, возможно, есть?

Не дурак он.

– Возможно, – ответил Майкл.

* * *

Он оставил Саре записку. «Извини, что сбежал. Надо старого друга повидать. Надеюсь вернуться через пару дней».

Вторая машина в Оранжевую Зону уходила в 9.00. Майкл доехал до конца, вышел и дождался, пока автобус уедет. Он стоял перед знаком, закрепленным на шесте.

ВЫ ВЫХОДИТЕ В КРАСНУЮ ЗОНУ
НА СВОЙ СТРАХ И РИСК

ЕСЛИ СОМНЕВАЕТЕСЬ, БЕГИТЕ

Если б вы только знали, подумал он. И пошел вперед.

11

Сара вернулась в приют еще до начала своей утренней смены. Сестра Пег встретила ее в дверях.

– Как она? – спросила Сара.

Женщина выглядела чуть более уставшей, чем обычно. Видимо, ночь у нее выдалась неспокойная.

– Боюсь, не слишком хорошо.

Пим просыпалась, крича. Ее завывания были такими громкими, что проснулись все. Пришлось на время отвести ее в комнату Сестры Пег.

– У нас раньше бывали дети, над которыми издевались, но не настолько. Еще одна такая ночь…

Сестра Пег отвела Сару в свою комнату, похожую на монастырскую келью, в которой было лишь самое необходимое. Единственным украшением был огромный крест на стене. Пим не спала, сидя на кровати и прижав коленки к груди. Но как только Сара вошла, ее лицо немного расслабилось. «Это союзник, тот, кто знает», – было написано на нем.

– Если я понадоблюсь, я рядом, – сказала Сестра Пег.

Сара села на кровать. Грязь на девочке исчезла, колтуны в волосах либо расчесали, либо выстригли. Сестры одели ее в простенькую тунику из шерстяной ткани.

– КАК СЕБЯ ЧУВСТВУЕШЬ СЕГОДНЯ? – написала на доске Сара.

– НОРМ.

– СЕСТРА СКАЗАЛА: ТЫ СПАТЬ НЕ МОЖЕШЬ.

Пим покачала головой.

Сара объяснила Пим, что надо сменить повязки на ранах. Девочка дергалась, когда Сара стала их снимать, но не издала ни звука. Сара наложила на раны мазь с антибиотиком, охлаждающий крем с алоэ и снова перевязала их.

– ПРОСТИ, ЕСЛИ БОЛЬНО.

Пим пожала плечами.

Сара посмотрела ей в глаза.

– ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО, – написала она. Когда девочка никак не среагировала, написала еще: – ВСЁ ЗАЖИВАЕТ.

– БОЛШЕ КАШМАРОВ НЕ БУДЕТ?

Сара покачала головой:

– Нет.

– КАК?

Проще всего, конечно, было сказать: «Со временем». Но это не было бы правдой, по крайней мере всей правдой. Сара знала, что избавиться от боли помогают те, кто рядом. Холлис, Кейт. Семья.

– ПРОСТО ТАК БУДЕТ.

Было уже почти восемь утра, Саре надо было уходить, но не хотелось. Убрав в сумку свои принадлежности, она снова взяла в руку доску.

– СЕЙЧАС МНЕ НАДО УХОДИТЬ. ПОПЫТАЙСЯ ОТДОХНУТЬ. СЕСТРЫ О ТЕБЕ ПОЗАБОТЯТСЯ.

– ВЕРНЕШЬСЯ? – написала Пим.

Сара кивнула.

– КЛЯНЕШСЯ?

Пим напряженно смотрела на нее. Всю жизнь люди бросали ее, с чего бы Саре быть другой?

– Да, – сказала Сара и перекрестила себе сердце. – Я клянусь.

Сестра Пег ждала Сару в коридоре.

– Как она?

День еще только начался, но Сара чувствовала себя совершенно вымотанной.

– Раны у нее на спине – не самая главная проблема. Я не удивлюсь, если она и дальше будет по ночам кричать.

– Есть какой-то шанс найти родственников? Кого-то, кто о ней позаботится?

– Боюсь, что для нее это будет хуже всего.

Сестра Пег кивнула:

– Да, конечно же. Глупость я сказала.

Сара дала ей моток бинта, стерилизованные тканевые тампоны и флакон с мазью.

– Меняйте повязки каждые двенадцать часов. Признаков заражения нет, но если что-то станет выглядеть хуже или у нее начнется лихорадка, сразу же пошлите за мной.

Сестра Пег хмуро поглядела на всё, что ей дали. Но потом слегка просветлела лицом и подняла взгляд.

– Хотела поблагодарить вас за тот вечер. Было так здорово выбраться. Наверное, мне следует почаще это делать.

– Питер был рад, что вы там были.

– Калеб так вырос. И Кейт. Иногда так легко забыть, насколько нам повезло. А потом видишь нечто такое…

Она умолкла.

– Пойду-ка я к детям. Что они делать-то будут без старой вредной Сестры Пег?

– Хорошая игра, позволю себе сказать, если не возражаете.

– А это видно? На самом деле в душе я мягкосердечная старушка.

Она проводила Сару до дверей. Сара остановилась.

– Позвольте вас спросить. В год сколько детей забирают в семьи?

– В год? – переспросила Сестра Пег, казалось, ошеломленно. – Ноль.

– *Вообще* не берут?

– Это случается, но очень редко. И никогда не берут старших, если вы об этом. Иногда оставляют младенца, а через несколько дней приходит кто-то из родственников и забирает. Но чем дольше ребенок здесь, тем больше шансы, что он здесь и останется.

– Не знала.

Сестра Пег внимательно посмотрела в лицо Сары.

– Мы не настолько отличаемся друг от друга, сами знаете. Десяток раз на дню наша работа дает нам повод рыдать. Но мы не можем себе этого позволить. От нас проку не будет, если позволим.

Чистая правда, но от нее у Сары на сердце ничуть легче не стало.

– Спасибо вам, Сестра.

Она пошла к больнице. Настроение было подавленное. Как только она вошла внутрь, Венди сразу же замахала ей рукой.

– Вас уже ждут.

– Пациент?

Женщина огляделась по сторонам, убеждаясь, что их никто не услышит. И перешла на шепот:

– Он сказал, что он из *бюро переписи.*

Ой-ой, подумала Сара. Быстро они.

– Где он?

– Я попросила его подождать, но он пошел искать вас в отделение. Дженни с ним пошла.

– Ты разрешила *Дженни* с ним разговаривать? С ума сошла?

– Я ничего не могла сделать! Она рядом стояла, когда он про вас спросил!

Венди снова перешла на шепот:

– Это по поводу той женщины с отслоением?

– Будем надеяться, что нет.

У двери в отделение Сара достала из шкафа чистый халат. В ее пользу две вещи. Во-первых, ее статус. Она врач, и, хотя ей и не нравилось так поступать, она может надавить авторитетом, если потребуется. Немного повелительного тона, туманные или не слишком туманные намеки на влиятельных людей, не называя имен, ореол высокого призвания, занятость работой, необходимость спасать жизни. Всё это Сара умела. Во-вторых, она не сделала ничего незаконного. Неправильно заполнить бумаги – не преступление, а скорее ошибка. Она в безопасности более-менее. Но Карлосу и его семье это не поможет. Если подлог раскрыт, Грейс у них заберут.

Она вошла в отделение. Дженни стояла рядом с мужчиной, в котором безошибочно угадывался типичный бюрократ – пухлый, лысеющий и с решительным выражением лица, с бледной кожей, которая явно редко встречалась с солнечным светом. Дженни встретилась взглядом с Сарой. В ее глазах стояла едва скрываемая паника. *Спасите!*

– Сара, – начала она. – Это…

Сара не дала девушке закончить.

– Дженни, будь добра, зайди в прачечную насчет одеял. Мне кажется, у нас они кончаются.

– Правда?

– Быстрее, пожалуйста.

Дженни спешно ушла.

– Я доктор Уилсон, – представилась Сара. – В чем тут дело?

Мужчина прокашлялся. Похоже, он несколько нервничал. Хорошо.

– Четыре дня назад тут женщина девочку родила.

Он перебрал бумаги, которые держал в руках.

– Салли Хименес. Насколько я знаю, вы были дежурным врачом.

– Простите, как вас зовут?

– Джо Инглиш. Я из бюро переписи.

– У меня много пациентов, мистер Инглиш.

Сара сделала вид, что задумалась.

– А, да. Я помню. Здоровая девочка. Проблема в этом?

– В бюро переписи не был предоставлен сертификат на право рождения. У женщины двое сыновей.

– Уверена, я об этом позаботилась. Вам надо еще раз проверить.

– Я вчера весь день проверял. В наше бюро сертификат определенно не поступал.

– В вашем бюро никогда не ошибаются? Никогда не теряют бумаги?

– Мы очень дотошны, доктор Уилсон. Согласно словам медсестры в приемной, миссис Хименес выписали три дня назад. Мы всегда сначала связываемся с семьей, но их нет дома. И ее мужа не видели на работе с момента рождения ребенка.

Глупый поступок, подумала Сара.

– Как только люди выходят отсюда, я перестаю нести ответственность за них.

– Но вы *несете* ответственность за правильное оформление документов. В отсутствие действительного сертификата на право рождения я буду вынужден дать делу ход.

– Ну, я уверена, что он где-то есть. Вы ошибаетесь. Это всё? У меня тут много дел.

Мужчина долго смотрел на нее, так, что Саре стало немного не по себе.

– Пока что всё, доктор Уилсон.

Куда бы ни подевалась семья Хименесов, Сара знала, что у бюро переписей не уйдет много времени на то, чтобы выследить их. Не слишком много было мест, где можно спрятаться.

Она попыталась выбросить это из головы. Она сделала всё, чтобы помочь им, и теперь ситуация вне ее власти. Сестра Пег права, у нее есть дело. Важное, которое она делает хорошо. Это важнее всего.

Она проснулась среди ночи с ощущением, что ей приснился какой-то яркий сон. Встала, посмотрела на Кейт. Она была уверена, что ее дочь присутствовала в этом сне, пусть и мельком. Скорее как свидетель, если не судья. Сара села на краешек кровати дочери и стала смотреть на нее. Девочка крепко спала, ее рот слегка приоткрылся, грудь медленно подымалась и опускалась в такт ровному дыханию, наполняя воздух хорошо знакомым запахом. В Хоумленде, еще до того, как Сара нашла Кейт, именно память о ее запахе давала ей силы выжить. Она хранила в конверте прядку волос девочки, прятала под койкой. И каждую ночь доставала конверт и прижимала эту прядку к лицу. Для нее это было вроде молитвы. Даже не потому, что Кейт была жива – Сара тогда была абсолютно уверена, что девочка умерла, – но потому, что где бы она ни была, куда бы ни отправилась ее душа, от этого запаха исходило ощущение дома.

– Всё в порядке?

Она увидела стоящего позади нее Холлиса. Кейт на мгновение проснулась, перевернулась на другой бок и снова уснула.

– Иди спать, – прошептал он.

– Потом еще посплю. Мне во вторую смену.

Холлис ничего не ответил.

– Всё хорошо, – добавила Сара.

Наступил рассвет, а Сара так и не уснула. Холлис сказал ей, чтобы она не вставала, но она всё равно поднялась. Из больницы она вернется уже после ужина, так что ей хотелось отвести Кейт в школу. От недосыпа она была будто слегка пьяная, но это не мешало четкости ее мыслей, скорее наоборот. У входа в школу она крепко обняла дочь. Казалось, еще совсем недавно для этого приходилось приседать на корточки, а теперь макушка головы Кейт была уже на уровне груди Сары.

– Мама?

Оказывается, она обнимает ее уже достаточно долго.

– Извини.

Сара отпустила дочь. Мимо быстрым потоком двигались другие дети. И она поняла, что чувствует. Она ощущала радость. Тяжесть на сердце ушла.

– Давай, иди, милая, – сказала она. – Увидимся позже.

Регистратура открывалась в девять. Сара ждала, сидя на ступенях в тени большого дуба. Приятное летнее утро, мимо идут люди. Как же быстро может измениться жизнь, подумала она.

Когда сотрудница открыла дверь, Сара встала и пошла следом за женщиной. Та была старше ее, с обветренным, но приятным лицом и полным набором блестящих вставных зубов во рту. Неторопливо устроившись за рабочим столом, она наконец посмотрела на Сару, делая вид, что только что ее заметила.

– Чем могу помочь?

– Мне нужно передать право на рождение.

Прищелкнув пальцами, женщина достала из шкафа с ячейками нужный бланк, положила на стол и опустила перо в чернильницу.

– Чье?

– Мое.

Перо застыло над бланком. Женщина подняла взгляд, на ее лице было сомнение.

– Вы молодо выглядите, милая. Вы уверены?

– Прошу вас, давайте просто сделаем это.

Сара отправила бланк в бюро переписи, прицепив к нему записку. «Извините! Наконец-то нашла его!» И пошла в больницу. День пролетел быстро. Когда она вернулась домой, Холлис еще не спал. Она подождала, пока они не лягут в постель, и наконец объявила о своем решении.

– Я хочу завести второго ребенка.

Холлис приподнялся, опираясь на локти, и повернулся к ней.

– Сара, мы же уже обсуждали это. Ты знаешь, что мы не можем.

Она поцеловала его, долго и нежно, а потом отодвинулась, глядя ему в глаза.

– На самом деле это не совсем так.

12

Десять ходов, и Калеб окончательно запер Питера. Обманный ход ладьей, жертва коня, безжалостная, и вражеские силы окружили его.

– Как тебе это удается, черт побери?

На самом деле Питер совсем не обижался, хотя было бы здорово хотя бы раз выиграть. Последний раз, когда он выигрывал у Калеба, у мальчишки была жестокая простуда и он играл будто в полусне. Но даже тогда Питер едва вырвал у него победу.

– Это же просто. Ты думал, я ушел в защиту, но я этого не делал.

– Устроил ловушку.

Мальчишка пожал плечами:

– Эта ловушка у тебя в голове. Я заставил тебя увидеть игру так, как мне было нужно.

Он принялся снова расставлять фигуры. Одной победы за вечер ему было недостаточно.

– Так что хотел тот солдат?

У Калеба была привычка менять тему разговора настолько внезапно, что иногда Питер едва поспевал за его мыслями.

– На самом деле это по поводу работы.

– Какой?

– Если честно, я даже не знаю, как сказать.

Питер пожал плечами и поглядел на шахматную доску.

– Это не важно. Не беспокойся, я никуда не уйду.

Они начали вяло ходить пешками.

– Я всё так же хочу стать солдатом, знаешь? – сказал мальчик. – Как ты был.

Он заводил этот разговор время от времени. Питер испытывал смешанные чувства от этого. С одной стороны, как отцу, ему очень хотелось уберечь Калеба от всякой опасности. С другой стороны, ему это льстило. В конце концов, парень проявляет интерес к той жизни, которую он когда-то выбрал для себя.

– Что ж, из тебя получился бы хороший солдат.

– Ты не скучаешь по службе?

– Иногда. Мне нравились мои солдаты, у меня были хорошие друзья среди них. Но я бы предпочел оставаться здесь, с тобой. Кроме того, похоже, что те времена миновали. Нет особой нужды в армии, когда воевать не с кем.

– Но всё остальное кажется мне скучным.

– Скуку недооценивают, поверь мне.

Они продолжили играть молча.

– Меня про тебя спрашивали, – сказал Калеб. – В школе.

– И что спрашивали?

Калеб прищурился, глядя на доску, протянул руку к слону, передумал, взялся за ферзя и передвинул его на клетку вперед.

– Типа того, как это, когда у меня такой отец. Он про тебя много знает.

– А кто это был?

– Его зовут Хулио.

Не из привычных друзей Калеба.

– И что ты ему сказал?

– Я сказал ему, что ты целыми днями на крышах работаешь.

На этот раз Питеру удалось свести партию вничью. Уложив Калеба спать, он налил себе выпивки из фляжки, которую подарил ему Холлис. Слова Калеба слегка уязвили его. Питер не поддался на искушение, услышав предложение работы от Санчес, но ото всего этого остался неприятный осадок. Женщина манипулировала им совершенно открыто, будто так и надо. В этом и заключался ее талант. Пробудила в нем естественное для него чувство долга, а еще ясно дала понять, что она не из тех, кому отказывают. *В конце концов я вас уломаю, мистер Джексон.*

Можешь пытаться, мысленно ответил он. Я останусь здесь и буду напоминать моему ребенку, чтобы он зубы чистить не забывал.

Они перекрывали крышу на старом особняке поблизости от центра города. Дом пустовал десятилетиями, и теперь в нем решили устроить квартиры. Бригада Питера две недели разбирала прогнившую башенку на крыше, а теперь они начали снимать старую черепицу. Уклон у крыши был крутой, поэтому им приходилось работать, стоя на площадках в полметра шириной, утках, как их называли, закрепленных на крыше железными скобами с интервалом в два метра. Пара лестниц, плоско уложенных на крышу по краям уток, соединяли их между собой.

С самого утра они работали голые по пояс из-за жары. Питер был на верхней утке вместе с двумя другими рабочими, Джоком Альвадо и Сэмом Футополисом, которого все звали Фото. Фото уже не первый год работал строителем, а вот Джок – всего пару месяцев. Молодой, лет семнадцати, с узким, покрытым подростковыми прыщами лицом и длинными сальными волосами, которые он убирал в хвост. Он никому не нравился, его движения были резкими и неожиданными, а еще он очень много болтал. Неписаным правилом работающих на высоте было никогда не упоминать об опасности. Дань уважения в своем роде. А вот Джок любил что-нибудь ляпнуть, глядя вниз с крыши. Типа: «Вау. Хреново же будет грохнуться» или «Так человеку точно капец придет».

В полдень они сделали перерыв на ланч. Спускаться вниз было слишком долго и неудобно, поэтому они ели прямо на рабочем месте. Джок принялся рассказывать про девушку, которую увидел на рынке, но Питер едва слушал его. Шум города окутывал их, будто туман. Время от времени мимо пролетали птицы.

– Давайте-ка снова за дело, – сказал Фото.

Они снимали старую черепицу при помощи гвоздодеров и киянок. Питер и Фото перешли на третью утку, Джок принялся работать ниже и правее их. Всё продолжал рассказывать про девушку – про ее волосы, походку, про то, как они друг на друга поглядели.

– Он заткнется когда-нибудь? – сказал Фото, крепкий мускулистый мужик с черной бородой, в которой уже виднелись седые волосы.

– Мне кажется, он звуком собственного голоса наслаждается.

– Клянусь, я когда-нибудь скину его с этой крыши.

Фото, щурясь, глянул вверх против солнца.

– Похоже, мы пару штук пропустили.

У конька осталось несколько черепиц. Питер сунул за пояс гвоздодер и киянку.

– Полезу я.

– Оставь, пусть этим займется наш герой-любовник. Джок, давай наверх, – крикнул Фото.

– Это не я их пропустил. Эту секцию Джексон делал.

– Теперь ты будешь.

– Ладно, как скажешь, – фыркнул мальчишка.

Отцепив обвязку, Джок полез вверх по лестнице на верхнюю утку и вставил гвоздодер под одну из черепиц. Когда он замахнулся киянкой, чтобы ударить, Питер вдруг понял, что он прямо над ними.

– Погоди-ка…

Черепица отскочила и полетела вниз, едва не попав Фото по голове.

– Идиот!

– Извини, не увидел, что вы тут.

– А ты *думал,* мы где? – рыкнул Фото. – Специально сделал. Христа ради, пристегнись.

– Это случайно, – ответил Джок. – Успокойся. Вам перейти надо.

Они сдвинулись в сторону. Джок закончил снимать черепицу и начал спускаться, когда Питер вдруг услышал щелчок. Джок вскрикнул. Второй щелчок, и лестница с грохотом заскользила вниз по крыше вместе с держащимся за нее Джоком. В последний момент он сумел соскочить с нее, и поехал вниз на животе сам по себе. С момента своего вскрика он не издал ни звука. Лихорадочно перебирал руками, ища, за что зацепиться, упирался пальцами ног в черепицу, пытаясь замедлить свой спуск. Питер ни разу не видел, чтобы кто-то падал с крыши. Сейчас же это вдруг стало не просто возможно, а практически неизбежно. И судьба избрала Джока.

Он сумел остановиться в трех метрах от края, ухватившись рукой за ржавый костыль.

– Помогите!

Питер отстегнулся и спешно спустился вниз, на нижнюю утку. Ухватившись за скобу, протянул руку вниз.

– Хватайся за руку.

Мальчишка окаменел от ужаса. Его правая рука вцепилась в костыль, пальцы левой держались за край черепицы. Он лежал, прижавшись к крыше всем телом.

– Если пошевелюсь, упаду.

– Нет, не упадешь.

Шедшие по улице люди начали останавливаться, глядя на них.

– Фото, кинь мне мою страховочную веревку, – сказал Питер.

– Не достанет. Придется перецеплять ниже.

Под весом Джока костыль начал медленно сгибаться.

– О боже, я скольжу!

– Хватит дрыгаться. Фото, давай быстрей.

Веревка упала рядом с ним. У Питера не было времени пристегиваться, парень вот-вот упадет. Фото перекинул веревку через блок, туго натягивая ее, а Питер обмотал другой конец вокруг предплечья и пополз к Джоку. Костыль сломался, и мальчишка начал съезжать вниз.

– Я уже здесь, держись! – заорал Питер.

И успел схватить Джока за запястье, когда ноги мальчишки были в считаных дюймах от края.

– Найди за что схватиться, – сказал Питер.

– Тут нет ничего!

Питер не знал, как долго он сможет держать парня.

– Фото, сможешь подтянуть нас через блок?

– Вы слишком тяжелые!

– Тогда привяжи покрепче и спускайся со скобами.

На улице внизу уже собралась небольшая толпа. Многие показывали пальцами вверх. Расстояние до земли будто увеличилось, становясь бесконечностью, грозящей поглотить их обоих. Спустя несколько секунд Фото спустился на утку прямо над ними.

– И что ты хочешь, чтобы я сделал?

– Джок, у края ниже тебя небольшой выступ, – сказал Питер. – Попытайся нащупать его ногами.

– Его там нет!

– Он есть, я прямо на него смотрю.

– Окей, получилось, – спустя секунду ответил Джок.

– Сделай глубокий вдох, окей? Я тебя на секунду отпущу.

Джок еще крепче вцепился в запястье Питера.

– Шутишь?

– Я тебя не вытащу иначе. Просто лежи неподвижно. Если не будешь шевелиться, гарантирую, удержишься на выступе.

У парня не было выбора. Он медленно разжал пальцы.

– Фото, кинь мне скобу.

Питер поймал скобу свободной рукой и воткнул ее в щель между черепицами. Вынул из поясного мешка гвоздь и начал вонзать его туда же, пока гвоздь не воткнулся в дерево. Три удара молотком, и гвоздь засел крепко. Забив еще один гвоздь, Питер спустился на полметра ниже.

– Бросай еще скобу.

– Быстрее, умоляю, – простонал Джок.

– Дыши глубже. Минута, и всё будет сделано.

Питер закрепил еще три скобы.

– Окей, теперь медленно протяни руку влево и вверх. Нащупал?

Пальцы Джока схватились за скобу.

– Ага. Иисусе.

– А теперь подтягивайся до следующей. Не торопись, спешить некуда.

Перехватываясь со скобы на скобу, Джок медленно поднимался выше. Питер полез следом. Сев на утку, Джок достал фляжку и принялся жадно пить. Питер присел рядом.

– В порядке?

Джок едва кивнул. Его лицо было бледным, руки дрожали.

– Погоди минутку, пройдет, – сказал Питер.

– Черт, да хоть весь день, – сказал Фото. – Хоть всю оставшуюся жизнь.

Джок глядел в никуда. Вероятно, он сейчас вообще ничего не видит, подумал Питер.

– Попробуй расслабиться, – сказал он.

Джок глянул на обвязку Питера:

– Ты не был пристегнут?

– Времени не было.

– Значит, ты просто… сделал это, держась за веревку?

– Сработало, правда?

Джок отвернулся.

– Я думал, мне точно хана.

– Знаешь, что меня больше всего бесит? – сказал Фото. – Этот маленький дерьмец тебе даже спасибо не сказал.

Закончив работать пораньше, они сидели на ступенях лестницы дома, передавая друг другу фляжку. Джока они видели сегодня в последний раз. Парень сдал свой пояс с инструментом и просто ушел.

– Умно это было, со скобами, – продолжил Фото. – Мне бы и в голову не пришло.

– Наверняка пришло бы. Я просто первым туда добрался.

– Везучий, на хрен, этот мальчишка, я тебе скажу. А на тебя посмотреть – ты даже не нервничал.

Это было правдой. Он ощущал себя неуязвимым, его сознание было полностью сосредоточено, мысли были чистыми, как лед. Если по правде, на краю крыши не было никакого выступа, поверхность была совершенно гладкой. «Я заставляю тебя видеть игру такой, как мне надо».

Фото закрыл фляжку и встал.

– Ну что, наверное, до завтра.

– На самом деле я не уверен, – сказал Питер.

Фото изумленно поглядел на него, а потом тихо усмехнулся.

– Будь на твоем месте кто другой, я бы решил, что он перепугался, что чуть не погиб. А тебе, наверное, нравилось бы, чтобы каждый день кто-то падал, а ты его спасал. Чем же ты теперь займешься?

– Мне кое-кто другую работу предложил. Сначала я думал, что не хочу, но теперь, возможно, я передумаю.

Фото медленно кивнул.

– Что бы то ни была за работа, уверен, она поинтереснее, чем эта. Значит, всё, что о тебе рассказывали, правда.

Они пожали друг другу руки.

– Удачи тебе, Джексон.

Питер проводил его взглядом, а потом встал и пошел к зданию правительства. Когда он вошел в кабинет Санчес, та подняла взгляд от лежащих на столе бумаг.

– Мистер Джексон. Как скоро. Я думала, мне придется побольше постараться.

– Два условия. Три на самом деле.

– Первое, безусловно, ваш сын. Я уже дала вам слово. Что еще?

– Я хочу общаться с вами напрямую. Без посредников.

– А что насчет Чейза? Он мой начальник администрации.

– Только с вами.

Санчес на мгновение задумалась.

– Что ж, будь по-вашему. А третье?

– Не заставляйте меня носить галстук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.